

ЗЕЛЕНАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 13-14

В. И. НЕМИРОВИЧЬ-ДАНЧЕНКО

ПАПОЧКА СЪ УЛИЦЫ

РУССКОЕ
УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЬ

Зеленая Библиотека

№ 13-14

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко

Папочка съ улицы Въ чужой клѣткѣ

повѣсти

**РУССКОЕ УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ
1 9 2 2**

**BUCHDRUCKEREI KUMMER & Co.
BERLIN C2, NEUE PROMENADE 6**

ПАПОЧКА СЪ УЛИЦЫ.

I.

Выбѣжала въ эту ночь, въ чемъ была. Некогда было думать и ждать. Чувствовала себя всю захвачаною грязными, потными руками. Что оставалось въ душѣ чистаго и яснаго, потускнѣло отъ нихъ. Даже не соображала, куда ей дѣваться. Скорѣе вонъ изъ этого дома, изъ душныхъ комнатъ, гдѣ окна были завѣшены тяжелыми гардинами, задвинуты внутренними ставнями. Снаружи, съ улицы, казались слѣпыми, точно за ними, въ сплошномъ мракѣ, никто не жилъ. Сюда ее завезли обманомъ, и когда она хотѣла уйти, — за нею щелкнулъ замокъ массивныхъ дверей. Рыхлая баба съ безцвѣтными, судачими глазами коротко объявила: «И не съ такими справлялись. У насъ на это просто. За тебя деньги плачены. Куда ты пойдешь безъ паспорта? Сдѣлаемъ объявку, — и сюда же доставятъ. Еще въ арестантской насидишься, казенныхъ клоповъ покормишь! Сколько у насъ вещей пропало! Докажи, что не ты!... Билась головою въ стѣну, рыдала, ползала на колѣняхъ, — и на все ей равнодушно отвѣчали: «Слыхали, видѣли! Не ты первая. Потомъ сама поблагодаришь. Такая же

была у насъ гимназистка... Изъ петли ее вынули, а нынче она по набережнымъ въ собственномъ автомобилѣ... Рукой не достанешь. Перья то на шляпѣ такія задраны, — всю тысячу отвалить надо! Такъ ей пофартило. Старайся и ты... Къ намъ шарлатаны не ходятъ: по ночамъ хоть биржу открывай, — народъ денежный»... Пускали къ ней какихъ-то пьяныхъ. Одинъ оралъ: «Мои деньгиплачены!», требовалъ для ввода во владѣніе ею господина околоточного и, весь исцарапанный, — какъ же ей было защищаться иначе? — выскочила вонъ. Чего стоило судачьимъ глазамъ успокоить его! И били же потомъ несчастную. Живого мѣста на ней не оставили. Все тѣло саднило, ломило въ костяхъ, ныло. Швырнули обезсиленную, какъ падаль, и послѣ грозились Иванъ Федоровичемъ; а она по разсказамъ знала уже этого заплечнаго мастера, хваставшагося, что у него кулаки «по особому заказу, на смертный убой». Дѣвушка въ комнатѣ рядомъ, до сихъ поръ отъ такихъ не оправилась. Сквозь стѣну слышно, — напролѣтъ цѣлые дни кашляетъ. Встрѣтила ее какъ-то: большиѣ въ черныхъ кругахъ глаза, въ которыхъ замеръ вѣчный ужасъ, блѣдное, въ подтекахъ, лицо. Вся въ трепетѣ, въ рабьей покорности...

II.

Какъ это случилось, — сама она понять не могла. Только ея двери оказались отворенными... Коридоръ пустъ, изъ кухни голосовъ не слышно. Сунулась туда, — никого. Выходъ на черную

лъстницу настежь. Позади, на плитѣ, шипитъ и кипитъ что-то. Удушливый чадъ стоитъ тучей. Скользкія, мокрыя ступени; темные клубки разбѣгающихся кошекъ. Пустынный дворъ. За дровами не видно, какъ проскользнула она въ ворота съ солнечнымъ дворникомъ, даже не поднявшимъ на нее отяжелѣвшихъ вѣкъ, — и улица, улица, улица. Сырая, холодная, но свободная. Скользкіе тротуары. Хорошо еще, что платокъ захватила. Обернула голову и шею. Подъ ногами (въ легкихъ туфляхъ!) хрустить снѣгъ. Морозъ щиплетъ, захватываетъ дыханіе... Куда она?.. Куда-нибудь, — въ пространство, въ пустоту, въ неизвѣстность; только не назадъ, въ позорный застѣнокъ, гдѣ она какимъ-то чудомъ уцѣлѣла. Да и нельзя, нельзя. Вернись, — попадешь прямо подъ желѣзные кулаки пьяного вышибалы. Заколотятъ до смерти. А, вѣдь, тамъ и избитыя женщины — товаръ. Есть любители чахоточныхъ. Судачи глаза все расцѣнили! За ихъ кажущимся бѣльмами — и искры сожалѣнія. Ей нужно вымочить изъ полыхающагося, какъ подбитая птица, тѣла свое. Имъ-то она не поступится. Нѣть, скорѣе, скорѣе впередъ, подальше отъ этого ужаса, — можетъ-быть, на еще худшій, только другой, не оледенявшій всѣ эти дни ея сердца...

III.

Мимо бѣгутъ куда-то гимназистки. Вѣдь, еще годъ назадъ она сама, въ такомъ же кофейномъ платьице и черной пелеринкѣ, счастливая и веселая, какъ щегленокъ весною, моталась по далекому род-

ному городу. Случилось нежданное, страшное... Отца привезли домой безъ языка. Онъ что-то мычалъ, пристально пуча на нее налитые кровью глаза. Видимо, мучился, что не могъ сказать ей самаго необходимаго, самаго важнаго. Силился встать, порывался куда-то... Къ утру и мычать пересталъ. Сидѣлъ неподвижный, грузный; только въ горлѣ у него хрюпѣло, всхлипывало, да въ груди, въ бронхахъ, точно шуршали сухіе листья. Къ вечеру его не стало. Потомъ пріѣзжали чужіе, какихъ она никогда и не видѣла; все осматривали, записывали, выбирали, вывозили. Матери у нея давно не было. Дѣвочка помнила только розовое лицико, молодое, съ радостными васильковыми глазами и смѣшиными, то-и-дѣло складывавшимися въ улыбку губами. Была ли наяву такая? Потомъ она во снѣ мерещилась, но чѣмъ дальше, тѣмъ тусклѣе. Точно время и въ смутномъ отраженіи прошлаго стирало румянецъ щекъ, гасило голубой блескъ взгляда, гнало улыбку съ блекнувшихъ устъ... Все, что было въ домѣ, продали. Въ пустыхъ комнатахъ осталась она одна, испуганная, голодная, какъ забытая въ опустѣвшей квартирѣ кошка. Наконецъ, откуда-то появилась старуха. Сказалась родственницей, перевезла ее къ себѣ. Продержала цѣлый годъ, а по томъ съ другою такою же, остроносою и косоватою, сговорилась отправить ее въ Петербургъ, на мѣсто... Дѣвушку зачѣмъ-то раздѣвали, осматривали, какъ рабыню на невольничемъ рынкѣ, долго шушукались, запершись, спорили и, поладивъ, собрали и отвезли на вокзалъ. Всю дорогу косоглазая утѣшала ее: «Будешь кушать миндальныя пирожныя серебряными ложками, въ шелку ходить и сладкое пить... Ты только слушайся, а ужъ тебѣ, — счастливица! — предоставятъ тамъ всякия удовольствія. Каждый вечеръ музыка и легкіе танцы. Кавалеры на-

подборь, и все богатые, богатые!». — «А что же я должна буду дѣлать?». — «Самое нетрудное... Тамъ тебѣ скажутъ»...

И сказали!...

IV.

Холодно. Господи, какъ холодно!.. Стужа, точно костлявыми ледяными пальцами, хватаетъ за ноги. Руки коченѣютъ... А тутъ еще платокъ то-и-дѣло сползаетъ, обнажая изъ-подъ нелѣпаго краснаго платья открытую грудь. Насквозь, точно иглами, нижетъ ее морозъ. Тяжело дышать. Она и то хватаетъ воздухъ мелкими глотками, какъ загнанная лошадь. Хорошо, что темно! Днемъ въ такомъ видѣ не сдѣлала бы и двухъ шаговъ. Хоть и теперь люди оглядываются, — ужъ очень она кажется имъ странной. Смѣются... Какъ бы не остановили еще! Гдѣ потемнѣе, ис таѣ страшно, но на перекресткахъ или у магазиновъ, откуда электрическій свѣтъ ярко льется на панели! Жутко-жутко! Ее нарочно толкаютъ. Кто-то за руку схватилъ. Щиплють. Какой-то пьяный силой къ извозчику потащилъ, — едва она отбилась и бѣгомъ кинулась прочь... «Лови мамашку», — слышится ей вслѣдъ, но она уже на другой, темной сторонѣ улицы и спѣшить въ переулокъ. Совсѣмъ охота на живѣе, только что собачьей стаи нѣть позади... Дурацкій шлейфъ путается между ногами. Наклонилась, подобрала его да скорѣе опустила, — вѣдь, въ проклятомъ домѣ подъ платье, кромѣ короткой рубахи, ничего не полагалоѣ... Бѣжала-бѣжала. Кто-то раскрылъ руки ей навстрѣчу. Оно сослѣпу попала въ нихъ.

Цѣпко обняли ее, а изъ ослабившагося рта такъ и пахнуло отвратительнымъ пьянымъ угаромъ. Точно слякотью въ лицо попало... «Не хочешь, тварь!» — слышится за ней... Слава Богу... Городовой обезпокоился-было, да у извозчика лошадь около поскользнулась и упала. Кинулся туда, — наводить порядокъ. Дѣвушка шмыгнула на пустынную площадь... Какой-то ровъ. За рвомъ — бѣлые деревья, точно невѣсты въ фатѣ вѣнчальной... И, какъ съ невѣсты лепестки апельсинныхъ цвѣтовъ, съ нихъ осыпается снѣгъ... Ревутъ автомобили... Больше силъ нѣтъ. Одурманило. Вотъ-вотъ замученное сердце разорвется... Точно невидимыя руки хватаютъ ее за горло, сжимаютъ, и все кругомъ вертится. Какая-то чугунная рѣшотка, опять бѣлые невѣсты... Нагло и грозно выпущенные очки моторовъ... Еще шагъ, и рухнетъ въ ровъ. Прилонилась къ фонарному столбу. Умереть бы... Куда дѣваться? Мертвую не оставятъ. Мертвой найдутъ пристанище... Живой некуда, кромѣ проклятаго дома... Развѣ подъ колеса... Полураздавленную подберутъ. Отправятъ въ больницу. Нѣсколько сытыхъ, теплыхъ дней, а тамъ, если уцѣлѣешь, опять подлое гнѣзда... Только и опоры сейчасъ, что этотъ фонарь...

V.

— Что съ вами?.. Боже мой!.. Да вы совсѣмъ ребенокъ. Откуда вы?..

У нея уже засыпанныя снѣгомъ вѣки начали слипаться. Едва-едва разжала ихъ. Смутно различаешь передъ собою сѣдую бороду, блѣдное, въ мор-

щинахъ, старческое лицо. Воротникъ мѣхового пальто поднять. Оно точно тонеть въ этомъ мѣху. Изъ-подъ очковъ глаза сверлять, а голосъ ласковый, обволакивающій.

— Кто это васъ выпустилъ на улицу такъ?.. Вы замерзнете... Откуда вы?..

И опять тотъ же вопросъ ...

— Что съ вами?.. Не бойтесь. Скажите мнѣ, какъ отцу... Повѣрьте.

Беретъ ея окоченѣлую руку... Ея пальцамъ тепло. Точно горячей волной пахнуло на дѣвушку. Она давно не слышала участія. Довѣрчиво поднимаетъ на него глаза. Что то перехватываетъ слова въ ея горлѣ. Рвутся безпорядочно. То застрынуть, то просыплются, и она торопится-торопится, чувствуя, что сейчасъ подступятъ рыданія и не дадутъ ей сказать самаго главнаго, самаго важнаго, но что сказать такъ больно, такъ обидно, такъ стыдно, такъ трудно...

— Бѣжала... Меня продали... Мучили... Били... За что, за что?!.. Я ничего не знала... Какъ овцу на бойню... Какъ овцу на бойню...

Повторила, что слышала тамъ, рядомъ въ комнатѣ. Захирѣвшая подъ кулаками сосѣдка въ истерикѣ повторяла это.

Онъ, видимо, съ полуслова понимаетъ, въ чёмъ дѣло... Пытливо всматривается...

— Сколько же лѣтъ вамъ?

— Семнадцать...

— Вы учились гдѣ-нибудь?..

— Да... да... Какъ же... Изъ гимназіи взяли. Не дали кончить.

— Что же, тамъ, въ этомъ... домѣ... вы давно?..

— Недѣлю...

— И... уже?..

Какъ странно звучить его голосъ!.. Но она поняла все оскорбительное значеніе его вопроса и спѣшить точно оттолкнуть, — даже руки протянула окоченѣвшими ладонями впередъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Я боролась.

Кричить... Точно его слова ки^ттомъ по сердцу бьютъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ... Никогда, ни за что...

И будто рѣка, прорвавшая плотину, — рыданія на всю эту площадь... Забилась, какъ птица въ когтяхъ... Давится. Ладонью ротъ закрываеть. Сама себя ненавидить въ эту минуту, потому что и старикъ испугался. Хотѣлъ-было прочь кинуться.

— Тише... Тише... Народъ сбѣжится. Такъ васъ бросить нельзя... Пропадете... Замерзнете, или васъ заберутъ въ участокъ и опять вернутъ...

— Лучше убейте... Лучше не знаю что, куда...

— Пока я васъ пріючу у себя. Не бойтесь, я вамъ въ дѣдушки гожусь. Навѣрно, вашъ отецъ былъ моложе... А потомъ посмотримъ...

Обнялъ ее, ведеть. Мимо, — точно темный склепъ, — на колесахъ громадная карета. Съ колеса на колесо громыхаетъ... Дѣвушка не понимаетъ, какъ она очутилась въ ней, во мракѣ рядомъ съ этимъ теплымъ мѣхомъ. Изрѣдка фонари заглядываютъ въ этотъ мракъ; она сквозь слезы, точно черезъ облитыя дождемъ окна, различаетъ сѣдые встопорщенные усы и странную улыбку...

— Вамъ холодно... Вамъ скорѣй согрѣться... Выспаться... А завтра я постараюсь добыть вашъ паспортъ. У меня въ градоначальствѣ знакомые. Все, что можно, сдѣлаю. Во всякомъ случаѣ, наездъ не верну. Этакій цвѣтокъ въ грязь... Не бойтесь...

Большой домъ... Лѣстница, — высоко-высоко подымается колѣнами. Комнаты, гдѣ въ сумракѣ

блестить позолота рамъ и бездонною глубью чудятся зеркала. Мягкіе ковры... Она обжигается горячимъ чаемъ. Отходить отъ стужи... Теплая мягкая постель и сонъ, сонъ, сонъ... Сонъ, какого она давно-давно не знала...

VI.

Такъ все тепломъ и покоемъ обернулось, — рая не надо!

«Папочка» куда-то щедилъ. Приходили свѣтлые пуговицы, разспрашивали дѣвушку, писали бумаги, раза два ее вызывали, но стариkъ послалъ, вмѣсто нея, свидѣтельство о болѣзни, и ее не тревожили. Наконецъ, околоточный привезъ паспортъ. Паспортъ заперли въ столъ, и все оказалось въ порядкѣ.

Она теперь цѣлые вечера просиживала въ большомъ, глубокомъ креслѣ и прислушивалась къ тишинѣ. Нѣкоторое время еще боялась выходить на улицу. Мерещились негаданныя встрѣчи. Даже подъ-руку со своимъ покровителемъ оглядывалась, будто ждала удара вслѣдъ.

Къ старику, какъ улитка къ раковинѣ, привязалась всей душой. Оторви ее теперь, — кровь брызнула бы...

Мирилась даже съ его странностями...

Онъ любилъ сажать ее передъ каминомъ къ себѣ на колѣни и какъ-то порывисто, даже порою больно ласкалъ ее. Когда она пробовала встать, отойти, — его руки, какъ клещами, держали ее. Весь въ багровыхъ пятнахъ, хрипло смѣясь, онъ успокаивалъ ее.

— Чего ты?.. Испугалась? Папочку-то? Вѣдь, папочка тебя любить. Вѣдь, на всемъ свѣтѣ у тебя только и есть, что сѣденкій старичокъ и этотъ уголокъ тихій...

И она молчала, когда сухія и холодныя губы шарили по ея лицу, шеѣ.

Еще бы не молчать! Разъ какъ-то она тревожно заговорила:

— Зачѣмъ вы это?.. Нехорошо... Неловко... Стыдно...

— Вотъ и видно, что у тебя настоящаго отца никогда не было. Сама разказываешь: онъ все въ клубѣ сидѣлъ. Утро — на службѣ, а вечеромъ — тамъ. Ему некогда было и приласкать свою дурочку... Милую... Вотъ такъ...

И она подчинялась и только изрѣдка сжималась и шопотомъ говорила ему:

— Какіе у васъ глаза... Минь иногда страшно...

— У меня глаза молодые...

— Точно насквозь...

— Сѣѣсть хотятъ Красную шапочку.

И оба смѣялись, — она принужденно, насилия себя, а онъ — добродушно...

— И дурочка же ты. Другія хорошія дѣвочки сами обоймутъ и приласкаютъ папочку... Папочка одинъ, у него никого, кромѣ тебя, на свѣтѣ. Его никто не любилъ...

И ей становилось жаль его.

Она обнимала багровую, морщнистую шею тонкими ручками и нѣжно прижималась къ его шершавой, сухой щекѣ...

Читали вдвоемъ...

И книги какія! Въ своемъ далекомъ родномъ гнѣздѣ она подобныхъ не знала. Можетъ-быть, онъ и тамъ были, только ей не давали ихъ. Все о любви да о любви...

— Зачѣмъ это?.. Стыдно...

Онъ, вѣдь, заставлялъ ее читать ему вслухъ...

— Какъ зачѣмъ?.. Тебѣ восемнадцатый. Надо знать все, что въ жизни бываетъ. Нельзя расти дурочкой. Оттого вы и пропадаете, какъ мухи осенью, что желторотыми птенцами на весь міръ изъ гнѣзда смотрите.

— Да я знаю... Въ этомъ домѣ...

— Сама говоришь, что ничего не видала.

— Не хотѣла, а только слышала... Рядомъ, вѣдь, случалось, у чахоточной этой... Разъ ко мнѣ кавалера впустили... Я его головой въ стѣну. Потомъ мадамъ меня цѣлый часъ пощечинами. Лицо вспухло. Ледъ прикладывали...

— Это совсѣмъ не то. Какая тамъ любовь! Насиліе, издѣвательство. А здѣсь, — чтобы обонимъ было хорошо... Развѣ ты мнѣ не вѣришь?

— Вѣрю... Какъ же не вѣриТЬ.

— Ну, такъ вотъ... Если есть счастье въ жизни, такъ только въ такой любви.

— Да, вѣдь, нехорошо... Въ этой книгѣ... Какъ можно писать такъ...

— Что?..

— Какъ же... Оба раздѣлись... Какъ имъ не стыдно.

— Такъ, вѣдь, оба. Если бы одна, — ну тогда другое дѣло...

И она задумывалась, а что-то непривычное, одурманивающее окутывало ее удушливымъ туманомъ.

VIII.

Уходя, онъ нарочно оставлялъ на столѣ скверные, запретныя фотографіи.

Сначала онъ точно обожгли дѣвочку.

Взяла ихъ, взглянула и бросила прочь. А по томъ опять потянуло къ нимъ. Начала разсматривать, вся въ краскѣ несознаваемаго срама и въ трепетѣ неясныхъ желаній...

Потомъ они оба вмѣстѣ смотрѣли ихъ, и многое она уже понимала, настолько, что начала сторониться отъ слишкомъ горячихъ ласкъ. Упираясь ему въ грудь ладонями, отодвигалась, была насторожѣ. И когда онъ, хорошо разыгрывая роль добродушнаго удивленія, спрашивалъ ее:

— Что ты?..

— Это совсѣмъ какъ въ картинкахъ... запрещенныхъ... Нехорошо, вѣдь. Если запрещаютъ, — значитъ, этого не надо.

И еще дальше держалась.

Теперь онъ уже почти никуда не выходилъ изъ дому одинъ. Все около нея. Водилъ ее въ театръ, въ рестораны, гдѣ оба пили шампанское, и когда у нея начинала кружиться голова, торопливо везъ ее домой. Дома на столѣ были сладкіе ликеры, отъ которыхъ ее охватывала сонная лѣтнь, что-то, точно свинцомъ, наливало ея руки и ноги. Не было силь уйти, отодвинуть его, и когда «папочка» цѣловалъ ее, она только слабо, точно въ забытьи, смѣялась.

Старая горничная тоже ей совѣтовала.

— Не будьте дурой, Сашечка, старичокъ таетъ по васъ. За старичкомъ хорошо. Точно кошкѣ у печки. Вы только не мѣшайте ему... Паутинкой его кругомъ. Что жъ, что ему семьдесятъ, а вамъ восемнадцать. Нашей сестрѣ надо головой жить.

Потомъ, какъ женился онъ на васъ, — по сердцу себѣ кого хотите, того и возьмите.

— Какъ женится?.. Папочка! Да, вѣдь, я ему почти-что дочь... Онъ самъ говорилъ...

— Хорошъ отецъ... А самъ то-и-дѣло на кухно и голову подъ кранъ. Знаемъ мы такихъ папочекъ! А только вы одна, какъ перстъ, вамъ уйти некуда, и ни на что вы не способны. Вамъ нужно свою судьбу устроить...

— Что вы, что вы!.. Да онъ первый станетъ бранить меня...

— Онъ-то!..

И горничная расхохоталась ей въ лицо.

— Спить и видеть... Всѣ они на одну колодку... Въ дѣлахъ-то разные, а вотъ съ нашей сестрой... Любовь! — ея другой не бываетъ...

— Какъ любовь?.. Мы читали, — тамъ молодые сходятся, влюбляются...

— Молодые-то нынче хуже старыхъ... Манерато все одна, что у молодыхъ, что у старыхъ...

— Нѣть, нѣть. Какія вы гадости говорите. Если бы папочка васъ услышалъ! Какъ вамъ не стыдно. Лучше умереть...

IX.

Пріучилъ къ сладкому пойлу, кружившему голову. Часто ночью, просыпаясь отъ холода, она думала, что сама сбросила съ себя одѣяло, и пугливо прислушивалась къ удаляющимся шагамъ. Утромъ ей казалось все это сномъ. И сама, смѣясь, рассказывала за чаемъ: «Я совсѣмъ глупая: вообра-

зила, что кто-то ходить ко мнѣ, — этакіе сны бы-
ваютъ ясные!... Точно взаправду...

«Папочка» все дѣлался страннѣе и страннѣе. Теперь онъ уже брюзжалъ, былъ ею недоволенъ. Даже, случалось, кричалъ на нее, а она, какъ котенокъ, ходила кругомъ, не зная, что она сдѣлала такого, и приставала: «На что вы сердитесь? Скажите... Я не буду»... Даже разъ заплакала, — и онъ, схвативъ ее, такъ прижалъ къ себѣ, что она застонала, и когда «папочка» цѣловалъ ея мокрые глаза, оправдывалась:

— Я, вѣдь, стараюсь быть хорошей...

— Стараешься, да не совсѣмъ...

— Какъ это?

— Все подальше отъ меня норовишь...

— Папочка!

— Какой я тебѣ папочка! Заладила: папочка, папочка! Глупѣе слова не нашла!

— Вы ужъ меня больше не любите?

— Напротивъ... Никогда такъ не любилъ, какъ теперь... Ты только мнѣ не мѣшай, — и все у насъ будетъ хорошо. Не вѣкъ же тебѣ дурой оставаться! Должна понять.

И она въ этотъ разъ, съ болью зажмуривъ вѣки и сжавъ зѣбы, вся отдалась его жаднымъ рукамъ и не выдержала... Вдругъ истерически завопила, оттолкнула его и бросилась къ себѣ.

— Сашечка! — вошла горничная. — Не дурите, вы, душечка.

— Не могу, не могу...

— Ну, разозлится онъ, выгонить васъ... Вѣдь, на васъ ничего своего. Ну, куда вы?

— Въ такія горничныя, какъ вы. Въ судомойки, въ прачки...

— Это съ вашей-то красотой... Къ сладкому куску привыкли... Что вы! Да васъ всякий сей-

часъ возьметъ, — только назавтра вамъ опять бѣжать придется. Они всѣ, Сашечка, боровы одинаковые... Только одни подлецы, которые любять и не бросять, а другіе есть такая рвань, особенно изъ молодыхъ, какъ япотребокъ: кокъ въ голову, а потомъ крылья-то врозь, — фррр, — ищи его въ поднебесьѣ. Послалъ вамъ Богъ удачу, — зубами за нее держитесь... Все равно, нашей сестрѣ безъ этого не обойтись. Хоть и изгиляются которые, — а куда подашься? Другой-то норовить ножомъ въ бокъ. Можетъ, и не изувѣчить, а такъ, чтобы ты страхъ передъ нимъ чувствовала, и во всякомъ лакомствѣ ему отказа не было. Чего захотѣлъ, тому и подражай. И никакъ ты себя, милуша, не соблюдешь. Грѣхомъ міръ держится. Не было бы грѣха, — и ничего бы не было. Гдѣ жъ намъ соблюдать себя! Да и не къ чему. Вонъ, папочка-то вашъ, еще ничего не видя, какъ васъ обшилъ да обулъ. А ежели вы къ нему склонность покажете, — только отъ васъ и требуется, чтобы не мѣшать ему, — такъ онъ васть, какъ идола, всю золотомъ изуставить. Потому они, старики, терпѣть не любять, чтобы имъ мѣшали. Козерогами-то имъ не по годамъ быть, — вотъ вы и соотвѣтствуйте. Покажите свою благодарность. Имъ-то въ этомъ разѣ съ пылу, съ жару, и не разобрать, гдѣ настоящая любовь, а гдѣ за «спасибо»...

— Да знаете ли вы, что говорите? Вѣдь, это значить себя продать...

— Ну, зачѣмъ же. Сами-то вы при себѣ и останетесь... Не фунтъ изюму, — купилъ, съѣлъ, и нѣть его. Не беспокойтесь, — все при васъ будетъ.

— Подлость одна.

— Гдѣ жъ подлость?.. Если вы за его благо-дѣянія... Вы у него по колѣна въ холѣ и въ

ласкъ. Настоящая-то подлость-не чувствовать этого, точно!

— Да, вѣдь, онъ мнѣ какъ отецъ...

— Отецъ... Видѣли мы этихъ папашекъ! Самые козлы и есть. По улицѣ этакій папочка идетъ, — на всякую шленду глаза косить. Набекренъ у него, у папочки, глазокъ-то, и губы бантомъ... Пузыри пускаетъ. Точно леденцы сосетъ... Все равно, не уйти вамъ отъ него. Такъ ужъ лучше по согласу.

X.

И не ушла.

Повезъ онъ ее какъ-то ужинать. Она уже привыкла къ шампанскому. Жарко ей было, а въ бокалахъ — точно ледъ. Голова кружилась. Глупости она болтала, смѣялась чему-то... Въ кабинѣ доносился раздражающей напѣвъ скрипокъ... Звуки, точно невидимыми руками, трогали ее. Чуть ощущаемыми пальцами бѣжали по ея тѣлу... Захолаживали, сжимали сердце и вдругъ обдавали зноемъ, въ которомъ распускалась вся ея воля, и какой-то сладкій-сладкій, нѣжный вѣтеръ задувалъ сознаніе... Въ автомобилѣ она все время лежала на плечѣ у «папочки»... Дома онъ откупорилъ бутылку какого-то ликера. Капнула туда чего-то...

— Ты еще этого не пробовала?..

Ее и безъ того всю кружило.

— Вкусно! — даже зажмурилась она.

— Еще...

Точно у нея полъ изъ-подъ ногъ выдернули. И смѣшио все... Электрическіе огни вертятся, углы

ходуномъ ходятъ. Большой столъ — точно палуба въ мертвую зыбь. Схватила за руку старика. Ей показалось, что она тонетъ. И не видить его, а только чувствуетъ около и тянется къ нему... И вдругъ что-то подняло ее, баюкаетъ, укачиваетъ. Глаза слипаются... Палуба уплыла куда-то. Огни погасли...

XI.

Утромъ проснулась.

Тусклый свѣтъ въ окнѣ. Точно кто-то снаружи надышалъ въ стекла, и сквозь нихъ ничего не видно.

Въ комнатѣ все мутное, неясное, въ сѣромъ налетѣ, и рядомъ лысая, противная голова, раскрытый глупо ротъ, и во рту два-три гнилыхъ, черныхъ зуба, какъ обугленные пни въ болотѣ. Рядомъ, на столикѣ, — челюсть отвратительная. Сиплое дыханіе. Невольно отодвинулась. Обвѣивало чѣмъ-то удушливымъ, тяжелымъ, — не то перегаръ, не то перегной. На одѣялѣ — блѣдныя руки въ морщинахъ. Грудь въ сѣдыхъ волосахъ...

Вспомнила все...

Поднялась на локтяхъ. Ноги болятъ. Поясницу ломитъ. По всему тѣлу синяки. Точно ее били вчера. Голову и сейчасъ кружить. Во рту и сухо, и липко въ одно и то же время. Чуть слышно выпросталась изъ-подъ тяжелаго покрывала. Холодомъ охватило ноги. Стала па нихъ, — едва держать. Вотъ-вотъ подогнутся... Отшла къ креслу, на которомъ валялось ея платье. Сѣла. Смотрить... Какой противный, жалкій... На голой лысинѣ жел-

вакъ, точно нарочно вскочить и дразнить ее... Уйти... Уйти скорѣй... Прочь отсюда... Отъ этой духоты, затхоли... Отъ этой склизкой челюсти, отъ отвалившагося, точно у мертвѣца, рта...

Скомкала бѣлье... платье...

Рядомъ въ комнатѣ шорохъ... Тамъ прислуга убираетъ. Все, вѣдь, знаетъ, все слышала. Какъ съ нею встрѣтишься? Какими глазами на нее взглянешь? И свои-то, — видитъ въ зеркалѣ, — въ темной синевѣ, впалые, потухшіе. Грязь-то, грязь какая! Неужели для этого училась, мечтала, готовилась къ чему-то?... Читала и прочитанное на себя примѣривала.

— Уйти, — да, разумѣется, уйти...

Скорѣе... Скорѣе только.

Куда?

Копейки свой нѣтъ. На улицу? А дальше... только и есть два ей знакомыхъ мѣста... Эта постель во внезапно опостылѣвшемъ уютѣ маленькихъ, заставленныхъ комнатъ... Да тотъ ужасный домъ, откуда она бѣжала... На ту же улицу... Улица уже разъ обманула ее!..

Тихо, тихо подобралась къ окну... Прижалась лбомъ къ стеклу, — отсюда видно... Сыпется бѣлое... Сыпется много. А внизу та же темная слякоть. Вонъ по тротуару — жалкое, ободранное, окоченѣвшее... Рваный ванька и понурившаяся лошадь. Такъ и тянетъ ее распластаться и растаять въ жижѣ... Городовой ведетъ какую-то женщину; шляпа съ глупыми рыжими перьями сползла на затылокъ, волосы выбились мокрыми космами. Шлепаетъ по грязи и, оборачиваясь, грозится кому-то кулакомъ...

Непроглядь безнадежная, скучная, простуженная, озленая, до самой сердцевины обруганная, обиженная, затасканная.

Некуда...

И на улицѣ мѣста нѣтъ... И улица ни къ чему не доведетъ. И въ ней вездѣ тупики...

Шалая мысль: окно на пятомъ этажѣ... Разбѣжаться, изрѣзаться о стекла и головой внизъ... А если не убѣшься?.. Если больно?.. А потомъ, — такихъ, вѣдь, потрошатъ...

Можно и завтра... Потомъ... Вездѣ кругомъ вода будетъ, — некуда податься...

XII.

Закочейѣла вся... Пледъ сбился въ ногахъ постели. Сняла его, закуталась...

Поглубже въ кресло. Что-то подступаетъ къ горлу, горячее-горячее... Заперло дыханіе. Обожгло глаза... Она схватила брошенную юбку, прижала къ лицу... Хочеть совладать съ собою, не крикнуть на весь міръ, такъ чтобы всѣ эти каменные тюрьмы кругомъ дрогнули. А самое изнутри что-то сильнѣе ея самой толкаетъ, точно кулакомъ тычетъ въ сердце, въ ребра. Колышется тамъ, по жиламъ льется и сводить ей въ судорогу и ноги, и руки... Сама не знаетъ, какъ сползла на полъ. Въ комокъ сжалась, и комокъ этотъ, какъ береста на огнѣ, корежится... Глухо вырываются изъ заткнутаго, конвульсивно зажатаго кулакомъ рта какіе-то звуки... Ползутъ кругомъ, и вдругъ на всю эту комнату отчаянныій, точно подъ ножомъ, вопль...

«Папочка» вскочилъ.

Отъ испуга самъ не попалъ въ двери. Споткнулся обо что-то... Вѣжала горничная. Точно у нея вода загодя была на всякий случай приготовлена.

Плеснула ей въ лицо... Грудь облила, чтобы озаб-
ла, — съ холодкомъ и разумъ вернется... Одной
рукой приподняла голову, другой — стаканъ въ
ротъ ей... Зубы о стекло хватаются. Точно про-
кусить его хотятъ.

— Вотъ, вотъ... вотъ. Вотъ что со... мной...
Что жъ мнѣ?...

Сипло, со свистомъ вырываются слова.

— Голубушка, чего вы... Успокойтесь... Вѣдь,
теперь у васъ все по-хорошему будетъ.

А сама мигаетъ «папочкѣ» на дверь. Уходи-де...
Безъ тебя лучше справимся.

Тотъ топчется босикомъ. Ноги худыя, волоса-
тыя... Вены на нихъ узлами. Подагра вывернула
ступню.

— Уходите, уходите.

Швырять ему халатъ.

— Такъ-то лучше.

И дверь за нимъ заперла.

— Барышня... Да, вѣдь, вамъ бы радоваться.
Потому вы обзаконились совсѣмъ. Теперь вы его,
козла, вотъ какъ въ ручки свои маленькия заберете.
Вы только меня слушайте... Мы его, жеребца плѣ-
шиваго, такъ окрутимъ. Черезъ недѣлю самъ по-
бѣжитъ вамъ подвѣнечное платье заказывать. По-
тому ему некуда податься. На всю жизнь вы вотъ
какъ себя обезпечите. И подохнетъ онъ, — вамъ
пенсіонъ будетъ. Да, вѣдь, у него, у подлеца еще
и капиталъ. А при старомъ-то мужѣ вы молодыхъ
по вкусу — сколько хотите! Неглажа ручкой этакъ,
— сами побѣгутъ. Только выбирай. Еще и опять
замужъ выйдете. Это дѣвушкѣ трудно, — нѣть ей
простору, чтобы размахнуться. А при мужѣ —
сколько хочешь, столько и жениховъ. Имъ, псамъ
паршивымъ, лестно изъ чужой-то пасти кусокъ вы-
хватить... И слава Тебѣ, Господи, что все такъ слу-

чилось. Потому вы теперь — у себя дома **хозяйка**. Онъ всю вашу жизнь на свою душу взяль. Вы, барышня, только не очень его смаху пугайте. Пусть онъ кротость вашу почувствуеть. Старички ужаси какъ благодарны въ такомъ разъ. Ну, а ежели противно вамъ, зажмурьтесь и нось на сторону... Какъ-будто отъ стыда нашего женскаго. Еще же бы ему, да кобениться. Скажите, пожалуйста. Если бы ему вы изъ вторыхъ рукъ, а то — самый настоящій бутонъ. Пойдите-ка, поищите такихъ животрепящихъ! Не очень-то, чтобы много! Онъ у себя въ кабинетѣ, — должно-быть, за голову хватается. Скандалу боится, — а вы, тихо, благородно.

Она всхлипывала все тише и тише.

Словами уже не брызгала и не захлебывалась отъ рыданій.

— Нѣтъ... Я уйду... уйду...

— Куда. Сами сказывали сирота, — кругомъвода. Все равно не къ нему, такъ въ чужія собачьи зубы. Потому нешто мы — люди... Мы — добыча.

— Умру... умру...

— Ну вотъ еще что надумали. Это всегда поспѣется... Тутъ подъ нами барышня. Спичками она объѣлась. Такъ потомъ за руки доктора хватаетъ, цѣлуетъ, въ ногахъ у него валяется: спасите, спасите, а вы вотъ что. Я за нимъ, за побѣдителемъ-то вашимъ, пойду. А вы тѣмъ временемъ въ постельку. Какъ-будто заснуть хотите. Если онъ вамъ что, — вы спиной повернитесь, въ родѣ какъ и видѣть его, подлеца, не желаете. Вы только меня слушайте, а уже онъ васъ-вотъ какъ обеспечить. Потому, они, папашки эти самые, страсть какъ большого шума боятся! Теперь вамъ съ умомъ надо. Все равно не вернешь. Да и ворочать-то не зачѣмъ, не важное кушанье. Тоже это на любителя, а настоящіе, которые господа благородные, такъ они

даже живьемъ этимъ пренебрегаютъ. Я у одного генерала служила, такъ сынокъ у него въ лошадиныхъ офицерахъ. Тотъ прямо говоритъ, это все равно, что тѣсный сапогъ разнашивать... Не прежнія времена, когда законъ требовался, по нынѣшнему-то не очень зубами за сырье хватаютъ...

XIII.

Въ самомъ дѣлѣ, куда пойти?..

Ушла изъ подлой ямы. Думала жизнь опять начинается... Послалъ Богъ по пути доброго человѣка.

И вдругъ... Какъ это случилось?.. День за днемъ, минуту за минутой онъ медленно, осторожно, — какъ бы не ушиблась и не опомнилась, — велъ ее къ этой пьяной, отвратительной ночи. Захваталъ ее всю грязными лапами, опуталъ отцовскими ласками, пріучилъ къ себѣ и взялъ какъ послѣднюю тварь, не справляясь съ ея душой, съ ея чувствомъ... Горничная подсказываетъ ей рабы мысли. Нѣтъ, нѣтъ, ужъ лучше назадъ въ смрадный омутъ: тамъ, по крайней мѣрѣ, все ясно, откровенно. Купля и продажа. Никто не требуетъ ничьего сердца, не прикидывается. Видѣть товаръ лицомъ, платить, и все на этомъ кончается.

Назадъ, туда?..

А побои? А ~~раду~~ущаяся всегда подколодная безобразная зараза? А окрикъ глупой и грубой хозяйки, а наглая, сквозная выставка тѣла? Вѣдь, прежде, чѣмъ оно попадетъ въ звѣриныя объятья, сколько только неопрятныхъ лапъ изомнутъ его, надругаются надъ нимъ. И это оскотинивающее ре-

месло, гдѣ наслажденіе оканчивается отрыжкою усталой, противной сытости. Гдѣ потомъ никому до тебя никакаго дѣла. Онъ уйдетъ даже не оглянувшись на тебя въ дверяхъ. И этотъ палачъ у дверей съ свиною, тупою мордой и тяжелыми, беспощадными кулаками? Гостямъ за деньги, ему изъ страха, какъ бы не изувѣчилъ. Пощечины, какъ знаѣи препинанія, въ концѣ каждой фразы, на каждомъ шагу. И единственный просвѣтъ, и не просвѣтъ, а забытье, въ пьяной оргіи грубой сволочи, передъ которой ты все-таки падаль, и только падаль.

— Нѣтъ, нѣтъ... Нѣтъ... Такъ нельзя, нельзя...
Она накинула на себя что-то.

— Куда-нибудь. Только не здѣсь. Не здѣсь...
Но сѣрое въ морщинахъ лицо... Голый черепъ, нечистое, хриплое дыханіе и какие-то черные огрызки въ открытомъ рту вместо зубовъ... Весь пахнетъ гнилью... Точно трупъ изъ могилы, только-что въ треснувшей, дряблой кожѣ, не синѣтъ разлагающееся мясо и въ немъ не завелись черви...

Никуда нѣтъ пути.

Училась, мечтала. Весь міръ въ розовыхъ миражахъ былъ. и она шла имъ навстрѣчу...

Шла, попала въ тупикъ, откуда нѣтъ выхода, только со всѣхъ сторонъ ее зашлѣпываютъ пригоршнями вонючей слякоти.

XIV.

Прислушалась. Горничная въ дальнихъ комнатахъ. Доносится ея голосъ. Должно-быть, говорить съ нимъ. Успокаиваетъ его дрожащаго, трусливаго. Его, у котораго нѣтъ смѣлости даже на зло-

дѣйство... На слабыхъ, подгибающихся, волосатыхъ, сѣдыхъ ногахъ, съ дряблымъ отвислымъ животомъ, несмѣющаго поднять безцвѣтныхъ, погасшихъ глазъ... Пальцы крючками, обезображенныя подагрой... Да почему же она только сейчасъ видить все это, а вчера, третьяго дня, недѣлю, мѣсяцъ назадъ? Слѣпа была, или заворожилъ онъ ее? Чѣмъ?

Нѣть, нѣть, хоть на мгновеніе вонъ отсюда.

Тихо подошла къ дверямъ... Открыла.

На лѣстницѣ тихо, холодно. Ступени колѣнами внизъ... Между ними пролеть. Точно въ колодцѣ. Облокотилась на перила. Чугунный прутъ студить локти. Смотрить, и эта мутная бездна тянетъ къ себѣ. Нѣть силы оторваться. Тамъ, внизу, — четырехугольникъ сѣрый... Съ каменнаго пола швейцарь снялъ коверъ. Вѣдь, всего секунда, и только секунда... Тупой ударъ, и ничего больше; все погаснетъ, все замолчитъ, это сердце уже не будетъ съ такою болью биться въ свою клѣтку. Не о чемъ и нечѣмъ думать...

Сама не замѣтила, какъ перекинула ногу.

Холодно... Знобить... Внизу кто-то... Смотритъ сюда. Дико кричить ей.

— Господи, да я голая... Оттуда видно.

И откинулась назадъ. По лѣстницѣ бѣгутъ вверхъ.

Испугалась. Назадъ въ двери. Замкнулась. Звонокъ...

Скорѣй въ постель, и закрылась съ головой одѣяломъ. А дрожь такъ и пронимаетъ всю. Точно ледяныя стрѣлы нижутъ ее...

— Что это вы, барышня?.. Господь съ вами. На какое дѣло...

Закрываютъ ее чѣмъ-то теплымъ. Горничная

садится около. Девушка чувствует ея жесткую ладонь у себя на лбу.

— Некуда, некуда... Дорога узломъ завязалась... Хотѣла однимъ разомъ... Помѣшали... Только... Пожалуйста... Умоляю... Пока, пока... потомъ можно... а пока не пускайте сюда... никого, никого... Заприте меня одну, одну... Чтобы не слышать, не видѣть...

ВЪ ЧУЖОЙ КЛѢТКѢ.

I.

Невольно зажмурился. Прѣхалъ ночью, усталый до смерти, дорвался до постели и на дно кануль. Дверь (она же и окно) на балконъ была закутана тяжелой портьерой; проснувшись, долго лежалъ подъ теплымъ одѣяломъ. Неужели и здѣсь такой же холодъ, какъ на сѣверѣ, за Гвадараммой? Тамъ я зябъ въ Вальядолидѣ, не зналъ, какому Богу молиться въ Саламанкѣ, чтобы онъ послалъ мнѣ хоть одинъ живительный лучъ настоящаго испанскаго солнца. Весь путь оттуда просидѣлъ, забившиесь въ уголъ купѣ. Мои спутники казались мертвыми. Завернувшихъ въ свои *capas de monte*, подняли ихъ воротники выше головы — и какъ будто никого живого со мною. Только изрѣдка въ разрѣзѣ воротника вспыхивала сигара. Какіе-то курящіе кули, а не люди. Ночь была яркая, лунная. Точно во снѣ, помню строгую, монументальную Авилу. Облитыя серебрянымъ свѣтомъ, стройно и царственно подъ самое небо подымаются ея стѣны и башни. За ними еще выше мраморной сказкой тонули въ прозрачномъ сумракѣ колокольни громадныхъ соборовъ, изъ-подъ тѣни которыхъ до сихъ поръ не можетъ

выйти окуренная ладаномъ и забаюканная іезуитами Кастилія. Царственный профиль города св. Терезы еще не заслонился потемками удивительной ночи, какъ нашъ поѣздъ, замѣдляя бѣгъ, началъ вѣзираться на Гвадарамму. Матовыми бѣлыми куполами мечтательно и пѣжно замерещились засыпанныя снѣгомъ вершины. Даже въ этотъ поздній часъ синее небо обнимало поэтическія горы. Вѣсною здѣсь не подымется столько цвѣтовъ, сколько выросло на этихъ склонахъ, утесахъ и въ ущельяхъ пѣсенъ и легендъ, то кровавыхъ и мрачныхъ, то причудливыхъ, ласковыхъ и кроткихъ. Подъ луною, точно кобальтовыя, ложились тѣни на неподвижные снѣга, и весь этотъ казавшійся таинственнымъ хребетъ грезилъ въ мистическомъ снѣ Карлами и Филиппами, маврами и рыцарями, готами и римлянами... Часа черезъ два или три вдали правильными геометрическими линіями выдвинулась бѣлая громада королевскаго дворца, провалился въ бездину Мансенаресь, а надъ нимъ повисла башня св. Феодора, и дерзкой аркой перекинулся головокруженітельный мостъ. Напослѣдокъ, весь окуриваясь удушливымъ дымомъ, поѣздъ кое-какъ доползъ до станціи. Дрожа отъ холода, я выскочилъ на перронъ, бросилъ вещи посинѣвшему тозо и черезъ полчаса спалъ, какъ скандинавскій богъ, подъ пудовымъ одѣяломъ въ отелѣ на *Puerta del Sol*.

Проснулся, позвонилъ. Кто-то въ потемкахъ подошелъ къ двери на балконъ и раскуталъ портьеры. Такъ и ослѣпило! Я невольно зажмурился! Всю комнату залилъ горячій животворный, радостный свѣтъ, котораго я давно жаждалъ. Тотъ самый, незнакомый намъ сѣверянамъ свѣтъ юга, разомъ примиряющій съ невзгодами, скучою жизни и ея разочарованіями, воскрешающій несбывшіяся надежды, омертвѣвшія грезы. Если есть настоящее

счастье, такъ оно тамъ, куда солнце струить всѣго щедрѣе свою эссенцію, каждый атомъ которой загорается яркой искрой во мракѣ измученной и давно потухшой души. Я наскоро одѣлся, распахнуль двери, и въ мою комнату хлынули волны теплого воздуха, веселый шумъ южной толпы съ ея смѣхомъ и пѣсней, крикливымъ говоромъ и разсѣяннымъ звономъ струнъ, мягкимъ шорохомъ колесъ по асфальту и обрывковъ издали донесшагося военного марша... Съ балкона мнѣ показалось, что я повисъ на высотѣ. Далеко внизу дно бездны, на которомъ кишмя кишить чужая жизнь. Кругомъ безоблачная лазурь, и рядомъ желѣзные переплеты такихъ же балконовъ. Откуда-то пахнетъ цвѣтами. Не изъ Севиильи ли донесъ сюда южный вѣтеръ первый при-вѣтъ андалузской весны?.. Всматриваюсь — пѣть! Рядомъ въ окнѣ пучки бѣлыхъ лилій, свѣжихъ, обрызганныхъ, сверкающихъ алмазною пылью... Пышныя, безстыдныя, словно раскрытыя для поцѣлуя уста, красныя розы, и изъ нихъ, будто напоминая о ранней могилѣ, печальный блѣдный арумъ... Я вслушался: гитара пѣла оттуда... Къ ней присоединилось красивое грудное контральто. Знакомая пѣсня. Съ первой же строфы ея передо мною воскресло затерявшееся въ пальмовыхъ лѣсахъ и хотя по наружности оставшееся вѣрнымъ арабской старинѣ бѣлое Эльче.

Расцвѣла я одинокой
Розой, путника маня...
Какъ-то мимо шель жестокій
И, смѣясь, сорвалъ меня...

Лепестковъ моихъ коснулся
Онъ огнемъ горячихъ усть...
И швырнуль въ колючій кустъ
И ушелъ, и не вернулся!..

У репейника въ шипахъ,
Обливаясь алой кровью,
Я одна полна любовью
И мечтой о тѣхъ устахъ.

О, вернись ко мнѣ съ закатомъ,
Есть цвѣты — и я изъ нихъ,
Что исходятъ ароматомъ
Въ свой послѣдній, смертный мигъ . . .

Печальная пѣсня — и вдругъ молодой и радостный смѣхъ . . . Такой, къ которому тянетъ, точно озябшаго къ чужому очагу. Я хотѣлъ уже наклониться къ этому окну — разглядѣть, кто тамъ, какъ до меня — вотъ ужъ именно не ждано, не гадано — донеслось и гдѣ же, въ Мадридѣ, на Пуэрта дель Соль, русское: «Однако ты и насобачилась! . . .»

— А что?

— Почище иной испанки . . . Пожалуй, нашей Розитѣ такъ не спѣть!

— Не даромъ я въ Гренадѣ два сезона провела!

— У насть, на Москвѣ, говорили, что ты вышла замужъ!

— Ну? . . . Воображаю, какъ теперь тамъ холодно . . . Всѣ еще задыхается подъ снѣгомъ. По небу ползутъ тучи . . . Дни короткіе. «Ночи безсонные» . . . Да, а ты знаешь — у насть сосѣди. Я въ три часа проснулась — тамъ возились . . .

— Лишь бы только не благополучная кастильская «мухеръ» *) съ груднымъ ребенкомъ . . . Помнишь, третьяго дня?

И пѣвшая выглянула въ окно въ мою сторону . . .
Большіе синіе, даже не синіе, а васильковые гла-

*) Женщина.

за и пышная масса золотистыхъ волосъ. Смотрить на меня въ полномъ убѣжденіи, что я не понимаю.

— Нѣть, это благородный гишпанскій дворянинъ.

— Дай-ка взглянуть...

Рядомъ другая головка, русоволосая, сърогла-зая...

— Ишь, какъ онъ на тебя таращится...

Я, разумѣется, и ухомъ не повелъ. Что будетъ дальше?

— Чего глаза пучишь? — И въ распоряженіи у васильковыхъ глазъ оказались такіе ослѣпительные зубы! Не дай Богъ попасть на нихъ.

— Санька! Вѣдь, онъ пойметъ.

— Какъ же! Я думаю, отродясь, русскихъ не слышалъ.

— Сообразить, что мы о немъ...

— Ну, что жъ... Охорашиваться начнетъ... Впечатлѣніе де произвель... Усы закрутить...

— И не думаетъ...

— Помнишь, въ Италіи. Тамъ бы сейчасъ сладкіе глаза и картинную позу. Давай по-русски ему что-нибудь скажемъ.

— Санька...

— Я тебѣ говорю — онъ вообразить, что я съ тобой... Благородный гідальго, если вы будете такъ на меня смотрѣть, я вѣмъ покажу языки! Хотите?

— Пожалуйста!

— Ай!

И обѣ головки мгновенно исчезли.

Если бы подъ ихъ окномъ взорвать грамату, такого эффекта бы не было.

Тишина мертвая... И вдругъ хохотъ...

— Я тебѣ говорила... Я тебѣ говорила...

— Что жъ такое... Вѣдь ничего обиднаго.

— Скандалъ...

И вдругъ сквозь смѣхъ сконфуженно:

— Ради Бога извините... Мы думали...

— Что я не русскій?.. Я не меньше васъ удивленъ. И... и страшно радъ. Вѣдь, тутъ русскихъ дамъ встрѣтить — все равно, что двѣстѣ тысячъ выиграть.

— Почему такъ дешево?

Васильковые глаза показались опять.

— Ну, два миллиона!

— Это лучше! Вы въ первый разъ въ Испаніи?

— Нѣтъ... Въ пятиадцатый...

— Ого!..

— Почти каждый годъ пріѣзжаю сюда мѣсяца на два, на три. А вы что тутъ дѣлаете? Я слышалъ два «сезона» въ Гренадѣ...

— Я?.. угадайте!..

— Поете?

— Однако!.. Какъ вы это быстро.

— Не мудрено. Я слышалъ васъ сейчасъ...

— Да, пою... Тѣперь кончаю въ Teatro Real...

И приглашена на Semana Santa въ Севилью, въ Санть-Фернандо...

— Знай нашихъ! — подсказала другая изъ компании.

— Ваша подруга тоже поетъ?

— Моя сестра? Нѣтъ. Она пріѣхала ко мнѣ изъ Москвы. А вы кто? Начинайте представляться по всей формѣ.

Я назвался.

Васильковые глаза раскрылись еще шире.

— Вотъ странно.

— Что?

— Вѣдь я пріѣхала сюда, потому что у васъ многое объ Испаніи читала. Давно. Еще дѣвчонкой была. Изъ гимназіи хотѣла уѣхать сюда... Оты-

скать васъ и вмѣстѣ... Большую вы мнѣ непріятность тогда сдѣлали.

— Какую??

— Ну, ужъ...

— Я вамъ разскажу... — другая показалась въ окнѣ.

— Оля, молчи!

— Нѣтъ, почему же?! Долженъ онъ казниться. Пусть хоть теперь прощенія просить...

— Чего ужъ хуже нельзя...

— Что-нибудь ужасное?..

— Оля!

Сестра ее хотѣла оттащить отъ окна.

— Вы знаете. У насть мама страсть суровая была. Держала насть въ ежовыхъ рукавицахъ. Даже до шестнадцати лѣтъ!.. Ну, вотъ она, какъ ей Санька сообщила свой проектъ, взяла ее за косу, да какъ кошку носомъ въ ваши книжки... Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ. Не читай глупостей!

— Благодарю!

— Не за что!

— Такъ что мы уже можемъ считать себя знакомыми.

— Ясное дѣло. Если она потомъ цѣлый день ревѣла изъ за васъ. Теперь просите прощенія...

— Для этого я долженъ прійти къ вамъ.

— А съ балкона въ окно?

— Неудобно...

— Почему?

— Въ знакъ помилованія протягивають руку, и преступникъ се цѣлуетъ.

— Ишь вы какой...

— Такъ, значитъ, можно?

— Что ужъ съ вами дѣлать... Приходите.

— Сейчасъ?

— Да...

Двери были рядомъ. Сестры Торосовы занимали три комнаты. Двѣ спальныя и гостиную. Гостиная была по сосѣдству со мною. Я постучался.

— *Adelante!*

Вхожу и замѣчаю розовый шелковый хвостъ, мелькнувшій въ дверяхъ слѣдующей комнаты.

— Мы сейчасъ — послышалось оттуда.

— Санька въ пеньюарѣ. Она по утрамъ лѣнится.

— А по вечерамъ поетъ?

— Да.

— Великолѣпная жизнь. А сколько за это снимаете (по-вашему, по-московски) съ антрепренера?..

— Антрепренера? Нѣтъ, вы здѣсь поднимайте выше! Это не итальянскій импресарио. *El ministro...* И зовутъ его *senor conde Miguelena*. А снимаетъ съ него Санька по двѣ тысячи посетъ въ недѣлю!

— Ай да мы! Какъ Татанкѣ повезло у гишпанцевъ.

— По вашему много?

— Много, нѣть! А по-божецки, дѣйствительно.

— То-то что Санька ошиблась. Ничего не остается...

— Отъ этакой-то прорвы?

— А вотъ сами увидите... Можетъ-быть, сегодня же...

За дверями шуршало-шуршало, и, наконецъ, когда я уже потерялъ терпѣніе, онъ распахнулись...

— Вотъ и я! Здравствуйте... Какъ это глупо вышло. Кто же вѣдь за русскаго приметь? Вотъ я такъ дѣйствительно. И носъ у меня-круглый, и сама, слава тебѣ Господи... Чайо хотите?...

II.

Мне вдругъ показалось, что я съ нею знакомъ, Богъ знаетъ, сколько уже! Видѣлъ ее, когда она съ заплестенными косами въ гимназію бѣгала, не замѣчалъ, какъ платье у нея дѣлалось все длиннѣе, а сама она молоденькой березкой тянулась вверхъ, до той поры, когда вмѣсто Шуры ее вдругъ стали называть Александрой Порфириевной и вмѣсто студентовъ и классиковъ съ кадетами вокругъ нея поднялся цѣлый конвой офицеровъ... Она была вся налицо. Сразу знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Ничего отъ васъ не прячетъ и притворяться не умѣеть. Такихъ русскихъ дѣвушекъ много, но въ картошномъ и парусинномъ мірѣ кулисъ что-то я не встрѣчалъ ихъ вовсе. Теперь, можетъ быть, и завелись, а прежде, когда надо было сквозь вѣковыя заросли локтями прорыться, рѣдкая могла уцѣлѣть.

— Значить, въ общемъ вы здѣсь довольны?

— Наполовину.

— Публика вѣдь одобряетъ?

— Здѣсь она вся въ рукахъ печати. Есть пѣсколько знатоковъ. Въ первомъ актѣ, если опера новая, зала молчитъ, не знаетъ гдѣ аплодировать! Ну, а со второго начинаются «эффекты» и «впечатлѣнія». Въ антрактѣ освѣдомились, у кого слѣдуетъ, и выражаютъ свои восторги или шикаютъ.

— Развѣ и это случается?

— Еще какъ. Слышали, какъ здѣсь Мазини досталось... Онъ клаку раздразнилъ... Ну, и съ «знатоками» сойтись не хотѣлъ. Думалъ, что про него здѣшніе законы не писаны...

— И?

— И на другой день послѣ этого тѣмъ и другимъ заплатилъ вдвое. Теперь онъ у насъ люби-

мецъ. Можетъ, когда охрипнетъ, ха-діезы и ща-бе-
моли братъ; все ему съ рукъ сойдеть...

— И для васъ «клака» обязательна?

— Здѣсь это «учрежденіе». При заключеніи контракта агенты упреждаютъ, что *«jefe de los amigos»* (глава друзей) будетъ съ вами уставливаться от-дѣльно... Да вотъ сегодня вы, можетъ-быть, его увидите. Вчера мы получили жалованье, и *«хефе»*, павѣринос, явится. И то запоздалъ. Давно бы ему быть здѣсь слѣдовало.

Дѣйствительно, не прошло получасу, какъ лакей принесъ карточку.

— Сеньоръ доинъ Игнасіо.

— Просите.

Въ гостиную, не снимая шляпы, вошелъ необыкновенно самоувѣренный малый. Онъ былъ завернутъ въ капу, пелерина которой, расшитая дорогими шелками, очень картино закидывалася за плечо.

— «Нашъ другъ» *caballero* Хиль! — отрекомендовала его Александра Порфириевна.

Тотъ гордо юклоился мигъ, но руки не подалъ.

— Сеньоръ (лукавый взглядъ на меня) тоже писатель.

Игнасіо Хиль сдѣлалъ изъ губъ скобки, что означало улыбку.

— Значить, мы — товарищи.

— Да, но я далеко не такъ знаменитъ въ своей далекой странѣ, какъ доинъ Игнасіо.

Глава клакеровъ встопорщился, какъ какаду, и перья поднялъ въ знакъ своего великолѣпія.

— Каждому — свое... Я литературой занимаюсь, къ сожалѣнію, мало. А то бы... У меня слишкомъ много времени отнимаетъ театръ и мои друзья-артисты. Вѣдь вы знаете — эти занятія требуютъ всего человѣка!

— Синьоръ Хиль съ своей «esquadra» присутствуетъ и на репетиціяхъ.

— Нужно много такта, подготовки... Когда аплодировать, когда и кому восклицать. Восхищанія отъ неудержимаго восторга! Они, вѣдь, какъ искры въ солому падаютъ въ публику. На нихъ требуются особенные знатоки, потому такие «эффекты» и ходятъ по особенному тарифу! Въ какихъ мѣстахъ мои «дамы» должны застопать или заплакать. Помните третьяго дня, когда Зембрихъ умирала въ «Травіатѣ». Эта Мерседесъ Алонъ не во-время въ истерику упала — всю сцену испортила. Я ей отказалъ. У нея никакого таланта... Клака должна итти въ тонъ всей оперы. *Maestro* ведетъ оркестръ, а я — впечатлѣнія, и еще неизвѣстно, кому нужно больше умѣнія, выдержки и вдохновенія — ему или мнѣ. Вотъ вы, синьорита, увидите въ «*Thais*». Въ театрѣ будутъ два оркестра — музыкальный и мой. Для моего тоже надо био ухо и при этомъ много психологіи. Угадать настроеніе залы вы думаете легко! Напримѣръ, когда публика въ перѣшимости, сама не знаетъ, правится ей или пѣть, мы начинаемъ *pianissimo bravi-bravi-bravi* и потомъ крещендо до *forte* и *fortissimo*, и тогда все присоединяются къ памъ... Понимаете? Случается, публика вяло настроена — ей надо придать огня, воодушевленія, взорвать ее — и мы сейчасъ же во-всю, точно динамитный зарядъ. Тутъ ужъ нечего жалѣть горла и ладоней. «Друзья» должны вскакивать, краснѣть отъ возбужденія, показать, что они не въ силахъ сдержать восхищенія и главное — тонъ восхищаній, чтобы онъ не былъ противъ, по рѣзаль бы уха, казался естественнымъ, ему слѣдуетъ проходить всю хроматическую гамму. Публика — дура. Ее надо на хорошихъ поводахъ держать. А потомъ хлыстомъ ее — и скачи во-всю! Мы для нея —

путеводный огонь. Она только и видитъ, что освѣщено нами! Теперь все вѣдь случается... У со-прано или у тенора квакнуло въ горлѣ. Сейчасъ знакъ и одна изъ моихъ дамъ падаетъ въ обморокъ. Вниманіе зала отвлечено, и неудача дѣбютанта не-замѣчена. Ему есть возможность поправиться... Если онъ въ силахъ, не простуженъ, мы кричимъ «da capo, da capo!» — сначала! Мы де съ этимъ обморокомъ не слышали. Артистъ повторяетъ арію — не квакаетъ на сей разъ и такимъ образомъ про-ходитъ. У насъ есть истинные герои. Напримѣръ, Луисъ Альфонсо онъ вскакиваетъ въ экстазъ и оретъ, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ нѣть такого артиста! Жестикулируетъ. Мѣшааетъ театру. Его выгоняютъ въ шею... Могу васъ увѣрить, при этомъ иногда бываютъ очень больно. Мы тоже не даромъ зарабаты-ваемъ наши деньги! Въ послѣдній разъ къ намъ назначили новичковъ въ «guardia», ну, тѣ приняли все это за чистую монету, — и дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы опять впустить Луиса, но уже на-верхъ, они его, дураки, арестовали. Я на другой день Ѳадилъ объяснялся, и его едва-едва выпу-стили. Префектъ даже не повѣрилъ. «Достаньте мнѣ, говоритъ, изъ дирекціи записку, что синьоръ Луисъ дѣйствительно *empleado* (чиновникъ) и исполнялъ по должности свою обязанность, тогда его освобожу»... Для этого, донъ Basilo, — обер-нулся ко мнѣ, — необходима чисто вокальная подго-товка. Помните, сеньорита, вашу арію въ «Таисъ». Публика въ блаженному умиленіи, — развѣ можно выражать свой восторгъ ораньемъ? Мы вѣдь не *burros* (ослы). Тутъ нужно, какъ ручеекъ, журчать! «*Биепо-биепо-биепо!*...» Подъ сурдинку... И чтобы слезы на глазахъ. Другой изъ-за этого до крови ихъ. Въ простонародномъ театрѣ потерпѣть бы вѣки лукомъ и великолѣпно, а тутъ аристократическая

публика. Отъ лука въ ложахъ, пожалуй, въ обмороκъ попадаютъ. Цѣлое искусство! А послѣ? Овация у подъѣзда, бѣшеный восторгъ у кареты, слушатели, доведенные до неистовства, догоняютъ ее на Calle Alcalá или Санъ-Херонимо, останавливаютъ лошадей, аплодируютъ такъ, что во всѣхъ домахъ около просыпаются, полуодѣтые люди выскакиваютъ на балконы и, чтобы положить этому конецъ, начинаютъ въ насть швырять, чѣмъ попало, часто даже мокрымъ. А помните, во время послѣдней войны съ Америкой мой геніальный выходъ вашей соотечественницы, сеньоры Надины? Со скіавами.

— Съ кѣмъ?

— Скіавы... Рабы. Цѣлый сезонъ это продолжалось, и публика ее носила на рукахъ. Любимицей сдѣлалась. Мы сначала распустили слухъ, что въ Сѣверной Америкѣ до сихъ поръ процвѣтаетъ рабство... Ну, послѣ каждого спектакля ставила на сцену двухъ негровъ въ цѣпяхъ. Я ихъ нарочно изъ Парижа выписалъ. Тамъ они у Пайара въ ресторанѣ служили! Синьора Надина съ нарочно для этого написаннымъ гимномъ свободы выходила, потрясая испанскимъ знаменемъ, а потомъ, кончивъ арію, снимала со скіавовъ цѣпи и объявляла несчастныхъ рабовъ гражданами прекрасной Кастиліи... Рабы падали на колѣни. Надина простирала надъ ними руки. Ломала цѣпи (каждый разъ ихъ спаивали для этого) и съ небесною улыбкою швыряла ихъ прочь... Это освобожденіе скіавовъ дало намъ полтораста полныхъ сборовъ! Моя идея! Ну, ужъ моя «esquadra» тутъ не жалѣла глотокъ. Цѣлую зиму мы хрипѣли, а донъ Себастьяно даже кровью стала харкать. Потомъ мы его перевели на «задумчивость».

— Это еще что?

— А, видите, онъ на виду у публики сидитъ въ ложѣ и въ трогательныхъ мѣстахъ принимаетъ такую вотъ нозу, при чемъ у него изъ глазъ льются безмолвныя слезы. Нельзя же было человѣка оставить безъ хлѣба!

— Однако, это цѣлосъ искусство!

— А вы какъ думали! Даже въ Парижѣ нѣть ничего подобнаго. Тамъ все это первобытие. Я не даромъ имѣю ученую степень...

— Какъ?

— Еще бы. Я вмѣстѣ съ Мазантини окончилъ первымъ Мадридскій университетъ. Онъ и я — магистры, и мы оба сдѣлали отличныя карьеры. Я, какъ видите, *jefe de los amigos* въ королевскомъ театрѣ, а Мазантини — первый тореро Испаніи... *La primera espada.* Мы можемъ гордиться другъ другомъ, а Мадридскій университетъ — нами. Сенъорита, я къ вамъ! — ужъ въ дѣловомъ тошѣ обратился онъ къ пѣвицѣ.

— Миѣ уйти? Я вамъ мѣшаю?

— О нѣть, — великодушно остановилъ меня день Игнасіо. — Мы — товарищи. Я только пришелъ получить свои проценты.

Онъ вынулъ непечатную квитанцію и, вписавъ туда нѣсколько цифръ, прочелъ:

«Сенъорита *** получила за двѣнадцать выходовъ 24,000 песетъ, считая *por los amigos* — 20 %, миѣ причитается 4,800 песетъ, за особыя услуги художественнаго свойства, *del arte* — еще 500 песетъ, итого 5,300 песетъ».

Александра Порфириевна подала ему пачку стопесетныхъ. Онъ тщательно сосчиталъ ихъ. Двѣ или три посмотрѣлъ па свѣтъ, одну даже лизнулъ, потомъ расписался въ квитанціи, выставилъ на ней номеръ, число и мѣсяцъ и вручилъ пѣвицѣ.

— Теперь все въ порядкѣ.

— Это что же, за услуги художественного свойства?

— Нашему известному портретисту Пильяносу уплачено мною пятьсотъ. Онъ по моей идѣи выразилъ желаніе нарисовать сеньориту во время исполненія ею роли Таисы. Она пѣла, а онъ сидѣлъ на сценѣ и все время зарисовывалъ ее... Передъ всѣми. Это поправилось, и публика цѣлый актъ аплодировала. Больше на него и на полотно смотрѣла!

— Значитъ, ничего не слушала?

— И не должна была слушать.

— Почему?

— Очень просто. Сеньорита была простужена. Несколько хрюкала. А это самый трудный актъ. Остальные пустяки.

— Однако, доны Игнасіо, вы гений...

— О, вы слишкомъ любезны!

— Вотъ бы вамъ въ Петербургъ!

— Я, когда постарѣю, открою школу «друзей искусства». Знаете, эдакую, художественную академію. Тогда ко мнѣ могутъ пріѣзжать учиться даже изъ Китая и Японіи. Ну, однако, мнѣ пора.

Онъ поднялся, поцѣловалъ руку Александру Порфириевичу, а уже въ дверяхъ обернулся ко мнѣ.

— Вы, разумѣется, будете писать объ Испаніи.

— Еще бы!

— Значитъ, вамъ нуженъ мой портретъ съ автографомъ. Я вамъ пришлю его!... *Beso sus manos!*... (Цѣлую руки!).

— Однако, экземпляръ! — вырвалось у меня, когда онъ ушелъ... — такихъ я не видывалъ.

III.

Вечеромъ Мадридъ весь полонъ жизни. Это не парижская сутолока, молотками бьющая по нервамъ, отъ которой кружится голова и отуманиваются мысли. Ни треска, ни ошеломляющего движения, но всѣ улицы полны веселыми толпами, проѣзывающими одна другую безъ суматохи, безъ толчковъ, ссоры и ругани. Кое-гдѣ звонъ гитаръ, часто съ балкона, утонувшаго въ лунномъ свѣтѣ, страстная южная пѣсня, похожая на одурманивающій цвѣтокъ, выросшій изъ расщелины согрѣтаго солнцемъ камня. Вокругъ вѣсъ и смѣхъ и шутки. Ярко лuchtается большиe черные глаза, наивно улыбаются алые губы, — такія алые, что рядомъ блѣднѣеть вѣнчикъ гранаты. Стройныя фигуры закутанныхъ въ черное женщины мелькаютъ по сторонамъ, за большими окнами кафе вы видите такія же, подъ электрическими шарами у входовъ въ театры онѣ же сотнями — ждутъ, когда раскроются двери. Въ ихъ сплошные ряды вторгаются продавцы миндаля, сушеныхъ раковыхъ клешней и шеекъ, ассугарильо (ноздреватаго сахара), всевозможныхъ орѣховъ, слостей. По-одаль молодежь — мелкие чиновники, студенты, приказчики. Взгляды скрещиваются, загораются, изрѣдка слышится сдержанное восклицаніе, вѣра работаютъ во-всю, выражая то, чего нельзя при всѣхъ сказать словами, но ни одного неприличного движения, ни одной фразы, которая могла бы оскорбить чай-нибудь слухъ. Пройдите по залитой свѣтомъ calle Alcala, павѣрное, на этомъ Невскомъ проспектѣ Мадрида вѣсъ никто не толкнетъ, только нищіе, но безъ нихъ вѣдь Испанія не была бы Испаніей, будутъ преслѣдовать вѣсъ своей «una limosnita por amor de Dios! Caballero, por Virgen purissima...!» Громадныя афиши собираютъ толпу — на каждой

объявлено по пяти сарсуэль на вечеръ. Вы можете взять билетъ на какую вамъ угодно и черезъ нѣсколько минутъ послѣ нея слушать маленькую комедію въ другомъ театрѣ. Есть любители, посѣщающіе такимъ образомъ въ вечеръ четыре-пять театровъ. Я пошелъ въ Королевскій по Calle Arenal. Нарядные женщины, на мраморныхъ плечи которыхъ были наброшены мантлы, господа, изъ-подъ распахнувшихъ плащей показывавшіе великолѣпно скроенные фраки, торопились туда же. Въ оперу бальные костюмы обязательны. Въ партерѣ часто завсегдатаи сидѣть въ пальто, но подъ нимъ непремѣнно фракъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, если вы появлялись въ иномъ видѣ, къ вамъ подходилъ церемоніймейстеръ и вѣжливо предлагалъ отправиться домой переодѣться и тогда уже добро пожаловать въ «высокое собраніе». По пути въ четверть часа на одной улицѣ, вы увидите столько очаровательныхъ ножекъ, сколько ихъ не усмотрите въ четверть вѣка во всей Германіи... Узкая улица то уходитъ въ синій мракъ, то такъ и выступаетъ гигантскими серебряными стѣнами подъ волшебнымъ свѣтомъ мѣсяца. Грубая и некрасивая масса Королевскаго театра вторгается въ нее неожиданнымъ и оскорбительнымъ диссонансомъ, но за ней великолѣпный *plaza de Oriente*... Подъ луною въ прозрачную и мечтательную лазурь испанской ночи высоко на смѣломъ конѣ взлетаетъ Филиппъ IV, окруженный мраморами статуй и темными рамками пахучихъ деревьевъ. За нимъ стройная масса дворца, «ближайшаго къ небу», и сквозныя арки, прилонившіеся къ *palacio* галлереи, въ пролеты которыхъ прекрасная и чистая, сверкающая звѣздами и полная своихъ вѣчныхъ тайнъ голубѣтъ безконечность... У самаго памятника Филиппа нишѣ. Ритуриели ихъ гитаръ наполняютъ тишину пло-

щади сладкою печалью. Слѣпцы тихо поютъ, и, за-
слушавшись ихъ, наклонилась съ бѣлаго цоколя
мраморная Бланка Кастильская. Передъ пѣвцами,
на заднихъ лапахъ, торжественный и неподвижный,
сидить пудель и держитъ тарелку въ зубахъ. Онъ
тоже при нищихъ чиновникъ, а у чиновниковъ
столько достоинства и въ фитурѣ, и въ выраженіи
лица, покрыто ли оно сплошь шерстью, какъ у па-
шихъ четвероногихъ друзей, или украшено баками
и усиками по особымъ порученіямъ...

Пора было въ театръ.

Сегодня давали «Таису» Масснэ. Заглавную
партію пѣла наша соотечественница. Меня очень
занимало: какъ эта наивная и смѣшливая моск-
вичка, выросшая на таганскихъ хлѣбахъ, справится
съ ролью Александрійской комедіантки и курти-
занки? И по типу она не подходила къ ней. Зна-
менитый Жанъ Веберъ изобразилъ Таису тонкой,
сожженной египетскимъ солищемъ, съ удлиненными
глазами, синева которыхъ чуть не доходила до уха,
съ бровями въ видѣ полулуковъ и узкимъ прямымъ
носомъ, нервныя ноздри которого, кажется, такъ и
трепещутъ съ полотна. Ничего болѣе несообразнаго
съ Александрою Порфириевной нельзя было приду-
мать. Что у нея могло быть общаго съ развратною
героиней Анатоля Франса, музыкально пересказан-
ной французскимъ композиторомъ? Впрочемъ, пу-
стынникомъ Оиваиды та же афиша объявляла
итальянца Королли... Атанаэль — подвижникъ и
схимникъ, въ образѣ благополучнаго и массивнаго
баритона въ одиночку при мнѣ усаживавшаго
цѣлую фіаску кіанти и громадное блюдо ризотто.
Я его не разъ встрѣчалъ у Савини въ Миланской
галлереѣ... Пожалуй, съ такимъ Атанаэлемъ могла
бы появиться рядомъ и наша замоскворѣцкая Таиса.

Партеръ уже былъ полонъ. Ложи, пока занавѣсь не поднялся, обратились въ гостиныя. Декольтированныя дамы, какъ хозяйки, принимали визиты. По мѣстному обычю, визитъ можно было отдать въ театрѣ. Ложа — тотъ же салонъ. Не возобновившіе аbonемента считаются здѣсь выбывшими изъ ряда въ мѣстнаго «высшаго общества». Королева обязательна какъ для оперы, такъ и для боя быковъ. Король еще можетъ не прѣѣхать въ свой театръ, но ея величество непремѣнно ранѣе подиятія занавѣса должна занять мѣсто и начать пріемъ лицъ, имѣющихъ прїѣздъ ко двору. Въ ложи точно слетѣли тысячи пестрыхъ бабочекъ и, усѣвшись куда попало, быстро-быстро шуршать легкими крылышками. Это вѣера въ рукахъ у барышень, которые такимъ образомъ ведутъ безконечные переговоры съ своими повio въ партерѣ. Только когда со сцены поются любимыя аріи, шелестъ вѣровъ замираетъ на минуту, двѣ... То же самое въ креслахъ — у молодыхъ людей вѣсра болѣе скромныхъ цвѣтовъ, и они усердно «спрашиваются» и «отвѣчаятъ» своимъ невѣстамъ, знакомымъ и любовницамъ въ ложахъ. Чтобы понять этотъ языкъ, надо родиться и вырасти въ Испаніи. Иностранецъ, какъ бы долго онъ здѣсь ни прожилъ, останется безграмотнымъ и даже не сообразить, что вокругъ него творится. Рядомъ будутъ объясняться въ любви, клясться въ вѣрности, ревновать, укорять въ холодности, просить свиданій, назначать ихъ въ тѣ или другіе часы, грозить самоубийствомъ, горячо благодарить за счастье, восторгаться неожиданною радостью, умолять выйти въ урочное время на балконъ, упрекать за ласку, доставшуюся другому, а несчастному заѣзжему чужаку и невдомекъ вся эта безмолвная симфонія признаній и обѣтовъ. Съ чего это они? — думается ему. — Вѣдь не жарко, а размахались,

только слушать мѣшаютъ. Такъ и на этотъ разъ совсѣмъ незамѣченными прошли первыя сцены прелестной оперы. И желтый берегъ спокойнаго Нила съ вѣнцами пальмъ вдали и хижинами отшельниковъ, и благоговѣйная молитва Паломона, вѣющая на душу миромъ пустыни. Вдали показывается Атаназель. Онъ весь полонъ ужаса и негодованія. Въ развратной Александріи онъ видѣлъ куртизанку Тансу, и грѣховный образъ ея преслѣдуется молодого себонита. Будь она проклята, жрица Венеры, еще дитя, но уже въ совершенствѣ постигшая всѣ таинства преступнаго культа. Вихремъ ворвалась она въ грудь Атанаэля, измученнаго постомъ и лишеніемъ.

— Что-то незамѣтно — шепчетъ около благороднаго гидальго.

И дѣйствительно, какъ алополучный баритонъ ни стянулъ живота поясомъ, брюхо опарою поднялось надъ нимъ. Подбородокъ на собственномъ блюдѣ!

— Щеки вотъ-вотъ лопнутъ.

— Какъ спѣлый бананъ.

Донъ Игнасіо Хиль насторожѣ, и арія упитаннаго Короли покрывается аплодисментами... Публика молчитъ. Здѣсь слишкомъ много гидальго, чтобы работать. А рукоплесканіе — та же работа. Пусть ее дѣлаетъ клака, ей за это платятъ. Публика только не мѣшаетъ.

Атаназель подошелъ къ рампѣ. Принимая, очевидно, партерь за мѣстопребываніе небесныхъ силъ, онъ докладываетъ имъ свое желаніе во что бы то ни было спасти Тансу отъ грѣха и привести ее покорною овцой въ пустыню... Небесныя силы черезъ посредство дона Игнасіо Хиля и его amigos изъявляютъ аплодисментами свое согласіе, несмотря на хоровое опасеніе прочихъ отшельниковъ, какъ бы

юный проповѣдникъ самъ не заблудился въ городѣ... и не погубилъ своей души. Темнѣютъ пески. Ночь уходитъ въ сумракъ, она за другою пропадаютъ въ потемкахъ прирѣчныя пальмы. Въ хижинахъ себопитовъ вспыхиваютъ огоньки. Пустыня, мистическая, таинственная, отовсюду надвигается съ своимъ безмолвіемъ... Чуть слышно плачутъ о чёмъ-то скрипки... Арфа вздыхаетъ о несбыившейся мечтѣ, и въ дивные аккорды Масиѣ проникаетъ что-то загадочное, чуждое этому схимическому уголку, нѣжное, ласковое, страстное... Далекая Таиса, жрица развратнаго города, тонкими почти дѣтскими пальчиками разбудила въ душѣ Атанаэля дремавшія и убаюканныя молитвою струны. Въ мертвомъ молчаніи недвижныхъ песковъ онъ дрогнули и зазвенѣли робко... Весь полный исленной грезы о ней себопитъ засыпаетъ. Ночь изъ-сина черна. Все кругомъ погрузилось въ мертвый покой... И вдругъ за Ниломъ сонъ молодого монаха мало-помалу опредѣляется и выступаетъ въ яркихъ выпуклыхъ образахъ, ничего общаго не имѣющихъ съ святыней аскетического уголка Фиваиды. Бѣлыми фантомами подымается туманъ... Въ туманѣ памѣчиваются громада Александрийскаго театра. На скамьяхъ его — жадные зрители. Подавленная страсть скрипокъ все громче и вдохновеніе, пламеніе и призывающіе стоны арфы, веселыми змѣйками проползаютъ въ нихъ коварныя флейты... Сцена грезящагося себопиту театра слабо освѣщается, точно онъ видитъ ее сквозь полуопущенныя вѣки, и на ней вдругъ появляется полуодѣтая Таиса — мима страстей Афродиты... И на публику вокругъ меня дѣйствуетъ эта музыка. Быстрый шелестъ вѣровъ. Легко даются обѣщанія и страсти въ-маливаются встрѣчи... Юноша рядомъ точно весь изъ струнъ, по которымъ двигается невидимый смы-

чокъ. Въ Таисъ, танцующей передъ счастливыми александрийцами, онъ видить свою избранницу... Тихо-тихо кругомъ. Черезъ всю эту пустыню, останавливающую въ Нильскую почь, доносится къ отшельнику отдаленный гулъ восхищенной толпы, и въ немъ онъ различаетъ только одно слово: Таиса!.. Таиса!.. Таиса!.. Донъ Игнасіо Хиль закрылъ глаза. Онъ отдыхаетъ. Еще не требуется поэта къ священной жертвѣ Аиоллонъ, и всиухшія ладони «*jefe*» мадридской клаки могутъ отдохнуть. Въ окрестрѣ начинаются «*agitato*». Скрипки орутъ, какъ зарѣзанныя, арфы уже не слышно. Контрабасъ, точно его кто-то подъ мышками щекочеть, закатывается демоническимъ хохотомъ, скоро во всѣ свои мѣдныя глотки завыли трубы. Кого угодно разбудятъ — можно ли было спать Атанаэлю, настроение которого иллюстрируетъ эта музыка. Онъ, дѣйствительно, вскакиваетъ, падаетъ щеки, точно собирается извлечь изъ тромбона самую оглушительную ноту... Вотъ-вотъ треснетъ, какъ спѣлый арбузъ. Нѣть, поясь надежнѣе желѣзного обруча.

Honte, horreur!

Тенебres éternelles! Seigneur! Seigneur! Assiste moi...

Донъ Игнасіо Хиль вздрагиваетъ и открываетъ глаза...

Начинается и его служба.

Клака настораживается.

Атанаэль въ своемъ сиѣ видить знаменіе. Самъ Богъ призываетъ его спасти развратную, но прекрасную Таису. «Господи, отдай мнѣ ее, отдай! — взыываетъ онъ въ партерѣ. — И я Тебѣ ее возвращу для жизни вѣчной». По партеру Провидѣніе устами клаки сдержанно отвѣчаетъ ему *виеноп-виеноп*. Донъ Игнасіо возводитъ очи горѣ и изображаетъ сильнѣйшій восторгъ, «друзья» подражаютъ ему, какъ

могутъ. Очевидно, репетиція у нихъ была основательна, молитвенное настроение охватываетъ и дамъ, принадлежащихъ къ этой «священной дружинѣ», некоторые даже крестятся. Вѣра успокаивается. Крылья бабочекъ неподвижны... Монахи на неистовые крики брюхатаго отшельника показываются на порогахъ своихъ хижинъ. Нильская почь озаряется факелами. Въ сѣрыхъ сумеркахъ едва-едва проступаютъ вершины пальмъ... Напрасно старецъ Палемонъ убѣждаетъ Атанаэля: «не мѣшайся въ мірскія дѣла — въ этомъ вѣчнай мудрость!..»

Пустынники провожаютъ Атанаэля къ Нилу. Дыханіе пустыни пробѣгаєтъ по его камышамъ, себониты преклоняютъ колѣна, молясь о братѣ. Его голосъ, теряясь въ золотыхъ, даже почью, пескахъ Фиваиды, доносится сюда: «Духъ свѣтла и милости, вооружи мое сердце на битву, укрѣпи меня силой архангела на бѣсовскую прелесть»... Гдѣ-то воетъ шакалъ... (pianissimo віолончели на верхнемъ регистрѣ), и вдругъ донъ Игнасіо вскакиваетъ, какъ ужалиненный. Клака на ногахъ. «Друзья за публику», выражаютъ высочайшій порывъ энтузіазма, способный разогнать всѣхъ шакаловъ Ливіи.

— Ну, что, вы меня теперь поняли? — торжествуетъ синьоръ Хиль.

— Въ чёмъ это?

— Вы слышали, какъ прорвалась скрипка въ оркестрѣ?

— Это когда завылъ шакалъ?

— Да развѣ по клавираусцуу полагалось выть шакаламъ? Тамъ поставлено *molto moderato!*... Просто смычокъ скрипки скисовалъ... А мы его выручили, и публика не замѣтила.

— Послушайте, донъ Игнасіо! — подошелъ къ нему какой-то толстякъ.

— Вашъ слута.

— Упайте мнѣ, гдѣ этотъ Короли покупаетъ пояса?

— А что?

— Надо бы и мнѣ. Ужъ если этакое брюхо удержалъ на ре-бемолѣ, не лопнуло, значитъ, матеріалъ надежный. Должно-быть, кордуанская кожа...

IV.

Я не знаю ничего величественнѣе и прекраснѣе у Массиѣ вступленія во вторую часть «Тансы»... Закройте глаза, чтобы не видѣть глупыхъ и наглыхъ фігуръ запавѣса, и уйдите мечтательной душой въ поэтическія были. Развѣ это не прохладный вечеръ сладострастной красавицы Александріи, утомленной за день горячими красками солнца? Тишина и кротость сходять съ темнѣющіхъ небесъ на ся мраморы и обелиски. Въ сквозныя колоннады, подъ ихъ царственныя арки медленно плыветъ дыханіе ночи. Утихасть теплое море у ногъ города-великаны. Далеко-далеко зажигаются огни триремъ, и на августѣйшемъ маякѣ Клеопатры вспыхиваетъ благо-дѣтельный свѣточъ. Страстныя, томныя звѣзды выступаютъ въ бездонной лазури. Неисчислимые дворцы тонутъ въ прозрачномъ сумракѣ. Въ безмолвіи новелительницы средиземныхъ волнъ — гимномъ наслажденію, землѣ съ ея очаровательнымъ грѣхомъ, грѣху съ его обворожительною землею — подымается вздыхающая, зовущая любовь и отвѣтное біеніе сердца — старая египетская пѣсня. Гдѣ родилась она? Въ пескахъ Ливійской пустыни,

подъ тѣнью гигантскихъ гробницъ первыхъ фараоновъ? Убаюкивалъ ли ее желтый Нилъ, неся на груди вмѣстъ съ алыми цвѣтами гранатъ съ бѣлыми лиліями и ея пѣжные, вѣюще неразгаданію тайною звуки?.. За мраморною башней птоломеевыхъ пальмы подымается луна... На преклонившійся передъ нею бѣлый городъ она набрасываетъ, какъ на покорную невѣсту, серебристую фату... Гдѣ же нихъ этой красавицы, чего еще ожидаетъ онъ, когда и воздухъ, переполненный ароматомъ, и иѣжная пѣсня, и ласковое теплое море, и остывающіе мраморы готовы, и на несчетныхъ башняхъ въ честь его зажигаются привѣтственные огни?... Тихо подымается занавѣсь. Терраса богача Нисиаса. Съ нея видна вся Александрія. Средиземная даль пронаѣдаетъ въ вѣчной загадкѣ неба. Надъ террасой громадыя деревья... Атанаэль входитъ. Лежащій внизу обольстительный городъ кажется ему бесстыдно раскрытою чужому взору голою блудницей. Отшельникъ самъ родился и выросъ здѣсь, по рано бѣжалъ отъ соблазна и ненавидѣть роскошь и прелесть всесвѣтной гетеры. Ему презрѣнны ея наука и искусство. Суровой душѣ себонита слишкомъ краснорѣчиво говорятъ мрачныя єиваидскія скалы, чтобы въ ней оставалось еще мѣсто колоннамъ, карнизамъ, плоскимъ кровлямъ и царственнымъ аркамъ. Отсюда ему виденъ клочокъ земли, оттуда открывается вѣчность и бесконечность. Передъ ними бѣзсильно преклонились вселенныя! Въ грозахъ его пустыни слышенъ голосъ Бога. Тамъ еще поднимаются купини, изъ которыхъ Онъ говорилъ Моисею. Что ему знайная, просящая грѣховнаго поцѣлую, пѣсня послѣ тѣхъ звуковъ, къ которымъ прислушивался избраникъ неба въ своемъ первозданномъ храмѣ?

Ницій-монахъ на террасѣ богача Нисиаса, —

александрийского Петрония, — производить такое же впечатление, какое вызвал бы любой изъ босяковъ Максима Горькаго въ великосвѣтскомъ салонѣ. Челядь гонитъ его вонъ «какъ собаку» (*ton maître ne reçoit pas les chiens comme toi!*). Наирасно Атанаэль увѣряетъ ихъ, что онъ другъ ихъ господина. Его хотятъ бить, онъ есть истинно христіанскимъ смиренiemъ предлагастъ:

— *Frappe, si tu le veux, mais avertis ton maître!..*

Отшельникъ, оставшись одинъ, вспоминаетъ развратный городъ, горячій, насыщенный одуряющими ароматами, воздухъ котораго будить сладостныя желанія... Иолиный иѣги шумъ средиземныхъ волнъ кажется грѣховною пѣснею сирены съ золотыми глазами. Атанаэль давно проклялъ родину, отъ ся соблазновъ устремль въ пустыню. Ему неизвестна любовь въ грѣхѣ и роскоши, служащая демону. Обманчиво прекрасное небо и подла наука, раба насилия... «Ангелы грознаго Бога! Гдѣ ваши крылья! Разсѣйте ихъ взмахами всѣ призрачныя очарованія... Зову васъ!» (Доинъ Игнасіо Хиль, принимая это на свой счетъ, отзыается «дружными» рукоплесканиями). Королли, прижавъ руку къ сердцу, раскланивается, пятясь отъ блой Александрии, и носъ къ носу сталкивается съ Нисіасомъ. Этотъ опирается на плечи двухъ полуобнаженныхъ рабынь.

— Ты знаешь, ихъ привезли для этой оперы изъ Севильи?..

— Ихъ и другихъ, для слѣдующаго акта.

Я невольно слушаю разговоры соѣдей въ то время, какъ Нисіасъ обнимаетъ своего друга и брата Атанаэля.

— И тамъ такія рѣдки!

— Говорятъ, ихъ искали по всей Тріанѣ. Пять «штукъ» нашли, а двѣнадцать — въ Макаренѣ.

— Онъ не вернется домой!

— Еще бы. Неужели у насъ въ Мадридѣ мало денегъ и молодежи, чтобы отпустить такихъ?

— Герцогъ Доріанъ уже укралъ одну. Рыжеволосую малагеню. Заперъ ее въ свое мѣсто и никуда не показывается вторую недѣлю.

— Дай Богъ каждому христіанину!

— Рай на землѣ?

— Да!..

Молодой философъ и сибаритъ Нисіасъ былъ изъ вторыхъ тепоровъ и вмѣсто высокихъ поть, гдѣ онъ приходились, дѣлалъ зловѣщіе глаза и вытягивалъ шею такъ, что изъ публики крикнули: «Опусти фитиль въ лампѣ, а то падышишь!» Очевидно, ему не изъ чего было платить дону Игнасіо, ибо тотъ промолчалъ и ничѣмъ не поддержалъ несчастнаго. Изъ музыкального діалога далѣе сибаритъ Нисіасъ узналъ отъ бояка Атанаэля, что тотъ пришелъ въ Александрію только на одинъ день.

— Зачѣмъ?

— Ты знаешь Тансу, куртизанку?

— Еще бы! Она еще на нѣсколько часовъ моя. Я продалъ для нея мой виноградникъ, мою послѣднюю землю, мою послѣднюю мельницу и написалъ ей три книги элегій. Но все это для нея ничто. Ея любовь быстролетна, какъ греза. Чего ты отъ нея ждешь?

— Хочу вернуть ее Богу!

Но чтобы совершить это чудо, надо ее увидѣть. Нисіасъ убѣждаетъ его не оскорблять Венеры, которая за себя де постоитъ. Еще не было примѣра, чтобы всемогущая богиня прощала смертнымъ такія обиды. Атанаэль сталъ на свое мѣсто. «Гдѣ онъ можетъ ее увидѣть?» Разумѣется, у своего друга и брата, потому что она придется къ нему на пиръ сегодня же, по окончаніи спектакля, въ которомъ тѣ-

иерь плѣняеть всю Александрію... «Дай мнѣ, во что одѣться, я знаю, что въ моихъ лохмотьяхъ не могу явиться передъ пею». Нисіасъ поручаетъ это рабынямъ. Полубнаженныя красавицы изъ Тріана беруть невѣроятнаго бояка и ведутъ его, смѣясь будущему пораженію вѣбалмошнаго отшельника. Смѣхъ невольницъ передается всей залѣ. Толстаго Королли переоблачаютъ въ глубинѣ сцены. Дамы въ ложахъ цѣломудренно опускаютъ глаза. «Какъ онъ хорошъ, — поютъ удивленныя служанки. — Смотри, какъ онъ мѣняется на нашихъ глазахъ!... Онъ прекрасенъ, какъ молодой богъ».

— Развѣ молодые боги бывають беременны? — интересуется кто-то изъ публики.

Клака старается аплодисментами покрыть исполнительныя замѣчанія. Но хохотъ растеть все больше и больше. Раскраснѣвшійся отшельникъ стремится уйти изъ рукъ красивыхъ рабынь, но тѣ держатъ его крѣпко... И вдругъ въ оркестрѣ начинается чудная мелодія, отъ которой весь театръ стихасть, какъ завороженный...

Вдали восклицанія... Улицы тамъ наполняются народомъ. Онъ восторженно встрѣчаетъ кого-то. Нисіасъ съ террасы вглядывается.

— Смотри и берегись! — подзываетъ онъ Атанаэля. — Вотъ твой ужасный врагъ!

Масснѣ совсѣмъ язычникъ. Я не знаю, кто изъ другихъ композиторовъ умѣлъ бы такъ передать всю красоту угасшаго навсегда міра. Тутъ не одна прелесть музыкальныхъ сочетаній! Они до такой степени проникнуты духомъ древніяго культа, въ нихъ такъ обожествлена земная страсть, и грѣшной любви дана непобѣдимая обольстительная сила! Неужели этотъ жалкій монахъ можетъ устоять въ грубомъ отрицаніи настоящей, сверкающей ослѣпительнымъ блескомъ, вихремъ захватывающей

жизни. Да полно, есть ли еще что-нибудь достойнъе всѣхъ этихъ чудно переплетающихся грустью, за-вораживающихъ сердце и убаюкивающихъ мысль мелодій. Гістріоны, комедіантки, філософы показы-ваются въ головѣ торжественнаго шествія. Музыка зоветъ всѣхъ къ наслажденію. Радость коротка, завтра, можетъ-быть, у вашего порога станетъ смерть съ ея вѣчною тьмою. Не теряйте счастли-ваго и благодатнаго «сегодня». Въ могилѣ будуть молчать желанія, а если бы они и проснулись, ни-что уже не удовлетворить твоей жажды. Разъ фіалъ отнять у высохшихъ отъ вожделѣнія усть, какая рука подастъ его снова? Дивная музыка растетъ, и въ ней вы слышите уже весь этотъ заласканный солнцемъ, небомъ и моремъ, опьяненный дыханіемъ цвѣтовъ и избалованный прелестью женской ласки городъ. Вамъ кажется: поютъ его арки, колоннады, портики, башни и храмы. Все въ единой хвалѣ бе-зумію наслажденій. Вихремъ срывается бѣшеный и неодолимый порывъ къ такому грѣху и счастью грѣха, что передъ нимъ въ безсиліи отступаетъ все, что еще осталось на землѣ не тронутаго имъ и не заколдованнаго. Вмѣстѣ съ теплыми мраморами поетъ небо, море, звѣздная тропическая ночь. Мил-лионы пульсовъ возбужденно бются въ звукахъ. Скоро всѣмъ чудится, къ ней присоединяется весь лежащій позади таинственный Египетъ. Въ стре-мительномъ уносѣ къ любви, сама любовь уже пере-стаетъ быть любовью, она — законъ вселенной, ею лвижутся мѣры, погибаютъ и созидаются новые, изъ-подъ ея подълужа сыплются въ довременную бездину созвѣздія за созвѣздіями и пропадаютъ въ загадоч-номъ круговоротѣ.

Въ объятіи — боги и цѣль бытія... И все это — и земля, и море, и бѣлый мраморъ, и восхищен-

ные отъ будничной жизни люди, — полно однімъ: «Таиса... Таиса»... Въ мелодическомъ танцѣ выступаютъ чуть не со всей Испаніи собранныя для этого театра красавицы. Вы попали въ оксанѣ неизобразимой прелести и, уходя на его дно, видите кругомъ изумительныя плечи, руки, торсы... Ритмическая движенія александрийскихъ плясуній гипнотизируютъ, вы чувствуете, что сердце ваше дѣйствительно замираетъ отъ ожиданія. Этотъ колдунъ-композиторъ смѣлымъ порывомъ вдохновенія и вѣсть унесъ съ собою въ древность, запечатленную теперь горячими песками всепобѣдной пустыни... Танецъ развивается, какъ гирлянда пышныхъ розъ... И когда, казалось, вы сейчасть крикните съ болью и наслажденіемъ отъ восторга, въ глубинѣ на ступеняхъ террасы, одиноко подымается сама царица поэтическаго сна — Таиса.

Донъ Игнасіо Хиль оглянулся.

Публика была наэлектризована и безъ него.

Онъ сдѣлалъ знакоъ своимъ: «Молчите де. Теперь памъ дѣлать нечего».

А у самого на лицѣ: пынѣ отпускаети!

И въ самомъ дѣлѣ, я такой бурной овациіи не видывалъ на своеи вѣку. Должно-быть, старикъ Массенѣ былъ влюбленъ въ Сибиллу Сандерсонъ, влюбленъ до того, что сталъ вдругъ юношой, да какимъ! Приготовить такой выходъ для артистки можетъ только молодой, безумно увлеченный геній. Я воображаю, какъ должна была быть хороша американская дива, съ классическими линіями ея тѣла, въ этой удивительной партіи, если даже наша москвичка показалась миѣ царицей, богиней, чѣмъ хотите, только вовсе не обыденной красивой женщиной, которую я сегодня еще видѣлъ утромъ въ залитой

солнечнымъ свѣтомъ комнать надъ *Puerta del Sol*. И вскочилъ и аплодировалъ, и мигъ это по показалось страннымъ, потому что также вскочили и также безумствовали мои сосѣди, партеръ, ложи. Я какъ во сиѣ помни возбужденныя лица, ярко сіяющіе глаза, тяжело, точно сердце билось съ двойною силой, дышащія груди. На какой страшной высотѣ должна чувствовать себя въ такія минуты артистка! Чѣмъ та же Сандерсонъ могла расплатиться съ Масснѣ за пережитое сю счастье повелѣвать вселеній?

V.

Сестра Харитъ, роза Александріи, прекрасная и молчаливая Танеа, я не узнавъ въ ней моей москвички. Музыка преобразила и ее и меня. Я повѣрилъ въ то, что вложилъ въ мою душу геніальный композиторъ, она поднялась на недоступную высоту. Оркестръ все уходилъ въ медлительно, словно кольца змѣи, развивавшуюся тему, капельмейстеръ умиралъ на своемъ стулѣ. Скрипки, віолончели, арфы, флейты и трубы были въ его рукахъ одніи послушны инструментомъ. Дажо хриплый пѣтухъ — второй теноръ и тотъ увлекся партіей и очень недурно вторилъ Танеѣ. Сумѣлъ вложить иѣжиную поэзію печали въ обращеніе къ ней: «Въ послѣдній разъ ты садишься за этотъ столъ, осыпанный цвѣтами. Завтра я стану для тебя пичѣмъ. Едва ли ты вспомнишь мое имя!..» И вдругъ илѣнительное, такъ и крадущееся въ сердце сопрано: мы цѣлую долгую недѣлю любили другъ друга... долгую, долгую недѣлю!.. Завтра, свободная отъ твоихъ объятій, я уйду... далеко... далеко... Этотъ вечеръ нашъ. Возьмемъ отъ него все, что онъ можетъ дать намъ.

Пусть часы текутъ въ божественномъ блаженствѣ, въ чудномъ забытьи... Что еще можетъ принести намъ утро... до завтра, до завтра»... И вдругъ, замѣчая устремленный на нее огненный взглядъ Атанаэля: «Кто этотъ чужеземецъ съ грозными очами и суровымъ лицомъ?...»

Н исіа съ. Онъ здѣсь для тебя. Философъ съ твердою душою, отшельникъ пустыни.

О и а. Что онъ приносить миѣ — любовь?

Н исіа съ. Человѣческая слабость по для его сердца. Онъ хочетъ обратить тебя въ свое святое ученіе.

О и а. Какое? Въ чёмъ оно?

А та и а эль. Въ презрѣніи къ плоти, въ отвращеніи къ страсти, въ тяжкихъ искушеніяхъ грѣха.

О и а. Иди... Слѣдуй своимъ путемъ... Я вѣрю одной любви, другая сила не властна надо мною!

Среди бѣлой, уносящей ароматами Александрии, подъ теплымъ лазурнымъ небомъ Египта, въ мелодіи страстныхъ вздоховъ систръ и арфъ, начинается изумительный поединокъ жрицы торжествующаго культа Венеры и выходца изъ опаленной солнцемъ пустыни, изсушившей плоть до того, что огненная душа сквозь ся жалкія стѣны все кругомъ жжетъ, что смѣеть къ нему приближаться. Изъ устъ вдохновленаго аскета убѣйственный самумъ пропосится по этому міру, волния души невѣдомымъ ужасомъ передъ незримымъ, непонятнымъ, стихійнымъ, вневѣдомою надвинувшимся на иѣжшую идиллію... Но въ ней своя правда — правда жаждущей земного счастья персти. И она на минуту одолѣваетъ чары Атанаэля. Онъ уходитъ, и, освобожденная отъ зловѣщихъ призывовъ и проклятій, идиллія растетъ гармонически и стройно. Ярче разгораются звѣзды

средиземной ночи. Возбуждено пахнуть цветы, разсыпанные на мраморной террасе. Красивое развивается манящая к забвению пляска. Голова Таисы в то упоение склоняется к плечу влюбленного в нее Нисиаса. В то время взгляд из полуопущенных ресниц обещание такого рала, что суровый призрак Фиваиды пропадает в потемках, гулявшихся за чуть видными отсюда вершинами пальм...

Я не узнавал моей знакомки...

Неужели ее я видел сегодня в будничной обстановке банаального отеля? Видь у этой каждый нерв трепещет жаждою ласки, она вся отдается неведомо откуда нахлынувшей на нее и приподнявшей волной. Живеть каждым пульсом этой музыки, и сама вся музыка. Боишься, чтобы звуки не оборвались, с ними умреть и она, одухотворенная их загадочностью, красивою жизнью. И не я один, кругом все чувствуют то же. Замерли вчера. В партер все ушли в эту чудную картину... И когда падь нею опустился занавесь, не один я простональ от внезапно оборвавшегося наслаждения. С минуту сидели точно в забытьи, и вдруг глухо зачался где-то и по всему театру прогатился громовой раскат: дон Игнасио Хиль начинял свою музыку, и клака в его руках была таким послушным инструментом, каким несколько моментов назад громадный оркестр в руках пленившего и маленького дирижера... Дон Игнасио действительно захватывал и уносил «публику», она невольно поддавалась его сримительным порывам. Вызывали без конца Таису, Атанаэля, забыли или простили его вздутый живот и глупое счастливое лицо. Заодно «в том числе» вышел даже и благополучно раскланялся, тотчас

же принявъ гордый видъ, хриплый теноръ Иисіасъ. «Наконецъ-то оцѣнили, я зналъ, что рано или поздно, а этимъ кончится!»

— Ну, что? — встрѣтился со мною въ коридорѣ донъ Игнасіо.

— Парижанину, *monsieur David*'у надо у васъ учиться.

— Вы знаете почему? Онъ — ремесленникъ, а я — артистъ. Его пѣвцы называютъ «monsieur», а я для нихъ *maestro*. Онъ раздражаетъ, а я согрѣваю. Я — то же, что хорошее брасеро въ холодную зиму. Тутъ бы всѣ окоченѣли безъ меня.

— Вы вхожи за кулисы?

— Я? — удивился онъ. Точно я спрашивалъ его, часто ли онъ носить этотъ безукоризненный фракъ.

— Я?.. Да я выросъ тамъ. Я здѣсь господинъ... Вы знаете, что я сдѣлалъ разъ, когда король не замѣтилъ моего поклона? Я, донъ Игнасіо, освисталъ его...

— Послушайте!..

— Да, освисталъ, какъ освистываютъ неудавшагося пѣвца, разумѣется, если онъ не пользуется нашей поддержкой!..

— Можете вы меня ввести туда?

— Еще бы!

Это оказалось вовсе ужъ не такъ трудно. По мѣстнымъ обычаямъ «за кулисы» открыты всѣмъ абонентамъ, слѣдовательно, «большому свѣту». И не только «за кулисы», но и двери уборныхъ не смыть захлопытвь передъ ихъ благородными кастильскими носами. Артистку, рискнувшую сдѣлать это, тотъ же *conde Miguelena* оштрафовалъ, и несмотря на ея негодованіе, заставилъ подчиниться общему правилу. Она должна одѣваться, гримироваться при всѣхъ. Только въ затруднительныя минуты,

когда натягивается трико или мѣняется бѣлье, она со своей портихой уходитъ за ширмы. Впрочемъ, такія пѣвицы, какова была Гударини, не лишали зрителя и этого наслажденія. «Пусть ихъ, меня не убудетъ, а послѣ этого они аплодируютъ охотнѣе и вздыхаютъ, какъ кузиечные мѣха!» Вообще дама была откровеннаго направленія и любила безъ обману показывать товаръ лицомъ, пока ее не «замѣтилъ» и не оцѣнилъ Альфонсъ XII. Такіе нравы здѣсь царятъ со временъ Филиппа IV и герцога Лермы. Добродѣтель актрисы была чѣмъ-то въ родѣ фальшивой монеты. Имѣла успѣхъ, пока ей вѣрили. Богатые и развратные царедворцы посыпали къ дивѣ своимъ лакеевъ сѣ кошельками золота и адресомъ загороднаго кабачка, куда она должна была пріѣхать, послѣ такой своеобразной визитной карточки...

Александру Порфириевну я засталъ столь окруженою, что до сихъ поръ не понимаю, какъ она меня разсмотрѣла среди всѣхъ этихъ зловѣщихъ гидальго въ плащахъ на фракахъ и въ шляпахъ.

— Проходите сюда, поближе, поближе...

— Что вы не пригласите ихъ снять шляпы?

— Не хочу быть освистанной. Они всѣ страшно самолюбивы.

Александра Порфириевна стояла въ одной туникѣ. Подъ электрическимъ свѣтомъ ея удивительныя плечи такъ и горѣли. Какой-то старикъ, пьяно глядя на нихъ, сосалъ свой собственный языкъ, а у другого рядомъ, налившіеся кровью глаза чуть не выскочили на лобъ... На меня всѣ посмотрѣли непріязненно. Еще бы, я говорилъ на неѣдомомъ и неслыханномъ языкѣ. Уже это одно испанецъ считаетъ оскорблениемъ. И не улыбайся она такъ ласково, ей бы подобный промахъ поставили на счетъ.

Портниха явилась, наконецъ, съ другимъ платьемъ. Она начала переодѣваться медленно, лѣниво, съ перевалочкой и подходцемъ. Въ горлѣ у сосѣда заклокотало, точно онъ подавился собственной слюной, а старикъ, сосавшій языкъ, зачихалъ. Какой-то маленький и юркій господинчикъ отвелъ локтемъ потниху и самъ началъ застегивать и закалывать платье и при этомъ давай на несчастную работницу набрасываться: и то не такъ, и это никуда не годится. Смотрѣлъ я на него, смотрѣлъ. Что за чудо такое? Женскій портной, что ли? И булавки у него во рту, и складки на хитонѣ располагалъ увѣренно...

— Это что еще за экземпляръ? — спрашиваю.

Примадонна вспыхнула. Экземпляръ пристально взглянулъ на меня.

— Прогнали бы его. Чего онъ носомъ суется вамъ въ плечи...

— А вамъ завидно? — обращается ко мнѣ «экземпляръ» на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ.

Признаюсь, оторопѣлъ. А онъ еще улыбается и, видимо, наслаждается моимъ смущеніемъ.

— Позвольте представиться: русскій посланикъ князь Горчаковъ.

— Вотъ тебѣ и на!

— Радъ познакомиться, мнѣ Александра Порфириевна уже говорила о встрѣчѣ съ вами... Сегодня послѣ театра милости просимъ ко мнѣ ужинать. Александра Порфириевна не откажется привезти васъ. Вамъ вѣдь все равно, назадъ по дорогѣ.

VI.

Я еще не совсѣмъ пришелъ въ себя, нѣсколько пораженный случившимся, какъ вдругъ всѣ разступились и разступились довольно почтительно. Чортъ

возьми, думаю, ужъ не король ли? Если посланники застегиваютъ ей платье, почему королю не прйтъ разстегнуть его. Нѣть, смотрю, рослый красавецъ, въ плащъ на одномъ плечѣ. Великолѣпно скроенный фракъ, запонки такъ и сверкали: рубины въ ноготь величиной, а въ рукавчикахъ еще крупнѣе — цѣлое состояніе. Лицо бритое, самоувѣренное. Киваетъ однимъ, другимъ єдва протягиваетъ руку, и тѣ низко кланяются. Сѣлъ безъ приглашенія на стулъ и небрежно Александръ Порфириевнъ:

— Вы сегодня мнѣ понравились...

— Да? Благодарю. Я тоже послѣднее воскресеніе восхищалась вами!

Выслушалъ, какъ должное. Обвелъ жаднымъ взглядомъ ея плечи и всю фигуру. Я только тутъ замѣтилъ, что волосы у него позади были заплетены въ тонкую косичку, и та подвѣзывалась вверхъ, дѣллая странную петлю. Что-то знакомое мелькнуло въ его лицѣ. Боже мой, да это Маріано... Знаменитый тореро! Онъ вмѣстѣ съ Лагартихо и Фраскуэло считался тогда первою шпагой Испаніи. Только тѣ были уже на закатѣ, а донъ Луисъ, какъ его фамильярно называли *aficionados* боя быковъ, оказывался въ самомъ расцвѣтѣ славы. Гверрера, Геррита, Бомбита Фуэнте и Реверта еще не выступали или кололи быковъ на провинціальныхъ аренахъ, и у великолѣпнаго Маріано соперниковъ не было.

— Послушайте, герцогъ... — обратился онъ къ молодому красавцу.

Тотъ покраснѣлъ отъ радости быть замѣченнымъ такою персоной.

— Въ воскресеніе я съ своими бандерильо собираюсь къ вамъ послѣ коррида.

— Мой домъ и все въ немъ къ вашимъ услугамъ
(*a la disposicion de ūste!*)

Маріано кивнулъ ему головой... Еще разъ обвель жаднымъ взглядомъ Александру Порфириевну и, вздыхая, произнесъ:

— Даетъ же Господь женщинѣ столько прелести... Въ воскресенье я вамъ посвящаю моего первого быка!

Она вспыхнула отъ радости. Глаза у нея такъ и заискрились...

— Я вамъ страшно буду благодарна!

— Увидимъ! — многозначительно подчеркнулъ онъ.

— Для меня это такая честь.

Но онъ уже ее не слушалъ. Осчастливили, и будетъ. Чего же еще? Когда онъ ушелъ, я не безъ ревниваго чувства проговорилъ:

— Однако, и нахалъ!...

— Что вы, что вы... Для меня это такая реклама. Завтра же о его визитѣ въ мою уборную заговорятъ всѣ газеты.

— Да что, онъ король?

— Король! — съ пренебреженіемъ протянула она.

— Ко-о-роль. Очень нужно. Альфонсъ у меня два раза былъ, обѣ этомъ никто и не заикнулся. Но Маріано, первый тореро, — другое дѣло. А въ воскресенье, когда онъ посвятить мнѣ быка, мнѣ на улицахъ будутъ аплодировать. Зембрихъ подавится отъ злости. Я уже не говорю о Лаборанти. Ту и теперь лихорадка бѣть.

— Почему теперь?

— Будьте увѣрены! Весь театръ уже знаетъ, что донынѣ Луисъ былъ у меня въ уборной.

Я вспомнилъ, что любая *confessa* или *герцогиня* здѣсь, — пожелай только ее Маріано, — откроетъ

ему двери не только уборной, но и спальни. И супругъ посмотрить на это сквозь пальцы. Духовникъ и тореро исключаются изъ общаго правила. Согрѣшишь съ нимъ «и пріятно, и полезно, и поклонъ его высокопревосходительству!»

И дѣйствительно, когда я пришелъ въ залу, тамъ уже говорили о томъ, что «великій» Маріано сидѣлъ въ *camerino* у примадонны и не только обошелся съ нею ласково, но и обѣщалъ посвятить ей первого быка въ слѣдующее воскресенье. Лаборанти (тоже сопрано), мнѣ ее указали въ ложѣ, сидѣла, вся блѣдная, и нервничала вѣромъ, какъ никогда. Донъ Игнасіо ходилъ павлиномъ и, величественно кивнувъ мнѣ, процѣдилъ: «Это я послалъ донъ Луиса къ ней... Мы съ нимъ товарищи. Оба кончили университетъ съ медалями... Я былъ юристъ, а онъ филологъ... У всякаго судьба, но къ намъ Прорицаніе было милостиво! Надо только предупредить ее, чтобы она ему купила подарокъ».

— Кому?

— А донъ Луису. Это принято.

— Подарокъ отъ дамы?

Тотъ изумился: «Что это де, наивность съ твоей стороны или глупость?»

— Да вѣдь онъ *espada*!

— Ну?

— Всѣмъ тореро дамы посылаютъ подарки... Не иначе!.. Передъ своимъ послѣднимъ выходомъ на быка Луисъ торжественно черезъ всю арену подойдетъ къ ней, сниметъ шляпу и крикнетъ: «Донья Александра, этого *bravo* я посвящаю вамъ, и если Господу, дарующему побѣду, будетъ угодно, я убью его въ вашу честь!» Кинеть шляпу вверхъ, пойметъ и, граціозно раскланиваясь, отойдетъ прочь... Ну, и вся арена, всѣ пятнадцать тысячъ

человѣкъ заорутъ: «Да здравствуетъ доныя Александра!» Всѣ мужчины въ нее влюются, а женщины, до послѣдней, ей позавидуютъ. Послѣ быка, онъ вновь подойдетъ къ ея ложѣ, она должна будетъ непремѣнно бросить ему перстень... А то еще лучше отколоть брошку, снять браслетъ и кинуть ему на арену. Это всегда дѣйствуетъ на aficionados... Насъ трое. Я, доны Луисъ и Гайаре... Знаете пѣвца?

— Еще бы!

— Ну, вотъ. И мы всѣ республиканцы. Разъ король пригласилъ меня, доны Луиса и Гайаре. Знаете, что мы ему отвѣтили?

— Ну?

— Я, что онъ меня можетъ увидѣть и услышать въ театрѣ, доны Луисъ, что онъ его, короля, еще ни разу не видѣлъ у себя, и Гайаре приказалъ сказать: «если его величеству угодно меня видѣть, пусть пожалуетъ въ Барселону. Я тамъ буду пѣть Мазаніелло и прямо въ королевскую ложу крикну a bajo el Rey!..»

Публика усаживалась по мѣстамъ.

Музыканты замерли. Капельмейстеръ поднялъ палочку, словно грозясь кому-то... Вѣера зашеле-стѣли въ воцарившейся тишинѣ.

Началась прелюдія третьяго акта...

Медленно поднялся занавѣсь...

VII.

Таиса вернулась. Вдали замираютъ пѣсни ея удаляющихся плясуній. Грустная музыка напол-няетъ палаты, гдѣ свободно, подъ высокими сводами,

движутся волны благоуханій. Знаменитая куртизанка устала, въ эту чудную ночь грустныя звѣзды зажигаются въ ея душѣ и печально свѣтять въ ея мракѣ. Въ утомленномъ тѣлѣ растетъ скука жизни и пробуждается душа съ ея таинственными воспоминаніями о вѣчности. Глухо шепчетъ море у окованыхъ въ паросскій мраморъ береговъ. Тихо колышутся триремы, и съ ихъ высокихъ палубъ сюда же доносятся странныя скорбныя мелодіи... Жизнь прекрасна. Таиса одна властвуетъ въ Александріи. Царица красоты и страсти... Но красота уйдетъ, и холодное предчувствіе еще далекой страсти, какъ проснувшаяся у Нила коралловая змѣя, поднимаетъ голову. Да, красота уйдетъ, а съ нею отхлынетъ все, что окружаетъ жизнь Таисы невыразимою прелестью. «О, Венера, дай мнѣ вѣчную молодость, не отврати лица твоего отъ меня, я служу тебѣ, моей единственной богинѣ»... Тоска въ ея сердцѣ. Едва-ли не впервые отчаяніе дышетъ на нее холодомъ. Неужели сѣмя, брошенное въ ея мысли словами суроваго пустынника, дало ростки, и они подымаются теперь, обвивая ее отовсюду чѣмъ-то удушливымъ, безнадежнымъ, страшнымъ... Должно-быть, и раньше въ славной александрийской комедіанткѣ подымались сомнѣнія и запросы. Благородная природа не удовлетворялась внѣшнимъ блескомъ и оскорбительнымъ поклоненіемъ разоряющихся для нея сибаритовъ развратнаго города. Иначе бы сѣмя заглохло на каменистой почвѣ, и ужасъ жизни не заставилъ трепетать эти чудныя плечи и высокую грудь, не угасиль бы яркихъ очей и не гналъ улыбку съ ея губъ... Ей тяжело. Мало воздуха подъ настежь открытыми сводами. Что-то гонить вонъ сильнѣе ея самой... Держась за бѣлые колонны, она выходитъ на пустынную площадь.

Тишина. Слабый свѣтъ лампады, — это, у ея портика горить огонь передъ статуей Эроса. Остановилась у его стеллы и, точно оттоняя отъ себя кого-то, простираетъ руки... У ея порога лежитъ неотступный Атанаэль.

— Отецъ... Богъ говорилъ мнѣ твоими устами... я здѣсь!

Какой дуэтъ! Я до сихъ поръ не могу забыть его. Вихрь пустыни, несущій передъ собою ея убивающіе пески, — голосъ Атанаэля. «Все должно погибнуть здѣсь, на цвѣтущей грѣшною красотою землѣ, чтобы возродиться для жизни вѣчной, пройдя черезъ ужасъ страданія и смерти». Жалоба горлицы — отвѣты Таисы. Она вся приросла къ этому грѣху, каждый нервъ ея уходитъ туда и связываетъ съ чудной прелестью языческаго міра, но надъ ней гигантомъ-утесомъ Фиваиды вырастаетъ безпощадный монахъ, и сама себѣ она кажется рядомъ съ нимъ мошкой, только мошкой! Жалкой, безсильной. Пламя отъ его устъ. Стрѣлами вонзаются въ нее взгляды пустынника. Властино говорить ей именемъ Бога. Онъ не обманываетъ ее. Тамъ, въ скалахъ и пескахъ, близко къ небу, на голой пустынной вершинѣ, есть монастырь, гдѣ въ вѣчномъ уединеніи живутъ отшельницы. Вся ихъ жизнь — тяжкое испытаніе. Одна мука для умерщвляемой плоти... Путь къ смерти весь усыпанъ терніями и острыми кремнями. Она оставить па немъ преступную красоту, зальетъ доступъ къ могилѣ кровью, но по ту сторону, — куда уйдетъ ея искупившая земную страсть душа, брезжутъ сюда святые лучи небеснаго свѣта. Тамъ — вѣчность!.. Тамъ радость...

Таиса рыдаетъ у ногъ Атанаэля.

Я ненавидѣль въ эти минуты выходца изъ сожженной солнцемъ Фиваиды. Онъ казался отврати-

тельнымъ съ презрѣніемъ къ красотѣ, къ земной любви, ко всему, что на счастье міра создано благосклоннымъ божествомъ. Языческій міръ лучше угадывалъ счастье жизни и глубже понималъ великую тайну творчества. Цѣль бытія въ его сознаніи была прекраснѣе и доступнѣе бѣдному человѣчеству. Но Таиса вся уже покорена монахомъ. Она пойдетъ за нимъ на муку, на смерть... Въ ней уже нѣтъ ни своей воли, ни своей души. Исходя кровью, рветъ связи съ прошлымъ. Этого мало. Надо принести первую жертву. Она должна сама, своими руками, сжечь капище грѣха, дворецъ, гдѣ все полно красоты и прелести, которому искусство служило, какъ усердная рабыня. Пусть огонь пожреть собранныя здѣсь дивныя дива, и въ немъ сгорить послѣднее сожалѣніе Таисы о безвозвратномъ прошломъ... Пусть ничто не встанетъ позади живымъ укоромъ, когда на устахъ Фиваиды она будетъ ожидать неизбѣжной смерти.

Когда вдали показался Нисіасъ съ плясуньями и философами, я имъ обрадовался. Авось, они уговарять красавицу отогнать прочь злобнаго изувѣра. Она останется вѣрной свѣтлому культу греческой богини, которой вторымъ отечествомъ явился Египетъ въ эту эпоху... Опять въ прелести и нѣгѣ началь золотыми кольцами развиваться танецъ, завѣщанный людямъ самими богами. Зазвенѣли систры, заплакали струны арфы. Когда передъ жрицами радости и наслажденія появился изъ внутреннихъ комнатъ куртизанки Атанаэль съ свирѣпымъ торжествомъ на исхудаломъ и блѣдномъ (увы, какъ дѣйствительность не соотвѣтствовала замыслу автора) лицѣ, — его подняли на смѣхъ. Итакъ, Таиса вернула его къ жизни и счастью, онъ былъ у нея, онъ пилъ изъ этого источника, и живыя воды смыли съ него всю скверну отрицанія міра...

«Молчите!.. Таиса — невѣста Бога... Ваша Таиса ада — мертвa навѣкъ, новая — вотъ она, передъ вами».

Распущенные волосы, грубая льняная туника. Ни одного украшения на рукахъ. На ногахъ не звенятъ мемфисские браслеты... Слѣдуетъ взглядомъ за Атанаэлемъ. За нею опечаленная рабыни, а позади изъ ея покоевъ уже клубится дымъ пожарища. Нисиасъ идетъ къ ней... Передъ нимъ выростаетъ грозный монахъ: «Прочь, грязь земли... Не смѣй коснуться принадлежащей небу»... Всѣ въ ужасѣ кидаются къ Таисѣ, но ее уже крѣпко держить отшельникъ... Начинается борьба. Рыдаютъ плясуны, умоляя свою царицу оставаться съ ними. Толпа, остервенѣвъ, хочетъ бросить Атанаэля въ море, но онъ, поднявъ свою добычу, прокладываетъ себѣ дорогу прочь отъ этого міра грѣха и соблазна. Плачутъ тихія струны, къ самому небу взрываются красные языки пламени, дымъ заволакиваетъ таинственные звѣздныя письмена голубой бездны. Гулъ погони замираетъ вдалекѣ... Нисиасъ одинъ. «Прощай, прощай... Память о тебѣ будетъ благоуханіемъ моей души». Оттуда доносится къ нему ея: «прощай, прощай!» и Атанаэлево: «навѣкъ!..»

Оазисъ въ пустынѣ Өиваиды. Солнце высоко. Чахлые пальмы... Купы зелени въ золотомъ кольцѣ песковъ. Широко развивается симфонія, изображающая гнѣвное величіе края смерти... Въ музыку безконечности нѣжная и спокойная, какъ журчанье ручья, вливается мелодія... Въ ней и колыханье листвы, и тѣнь ея у недвижныхъ водъ одинокаго источника, и трепетъ вѣнцовъ этихъ пальмъ, объятыхъ отовсюду лазурью чистаго неба... Вдали показываются Атанаэль и Таиса. Какъ тяжкое иго, ее замучилъ зной. Благоуханный цвѣтокъ Александрии, что сдѣ-

лало съ тобою безпощадное солнце? Поблекли лепестки, опалъ зеленый уборъ стебля. Ты вся склонилась на немъ, безсильная и умирающая... Подсохшій цвѣтокъ!

— Я не могу итти.... Отдохнемъ здѣсь.

— Нѣтъ... Впередъ... Впередъ...

— Въ моихъ ногахъ не стало силы... Грудь не дышитъ.

— Пусть изнеможеть твое тѣло... Умертви свою плоть.

— Отецъ, ты правъ! Пусть небо приметъ мою муку въ искупленье.

— Иди! Это совершенное тѣло ты отдавала язычникамъ, невѣрнымъ... (съ ревнивою ненавистью) Нисиасу... Теперь, когда ты узнала истину, не смѣй смыкать губы, соединить руки, безъ отвращенія къ себѣ самой... Иди... Страдай!..

— Отецъ, ты правъ!

— Иди... Страдай...

— Далеко ли еще до Божьяго дома?

— Иди!

— Я не могу больше... Прости!

Она падаетъ ему на руки. Онъ опускаетъ ее въ тѣнь. Ноги ея въ крови, дыханія уже нѣть. Вся она какъ сорванная лилія... Гдѣ-то въ глубинѣ еще таится ея ароматъ, но бѣлый цвѣтокъ умираетъ... Атанаэль не отводить глазъ отъ нея и вдругъ съ ужасомъ: «Бѣдное дитя, я слишкомъ длилъ твое испытаніе. Сестра моя, святая!..» Таиса пришла въ себя... «Идемъ»... — «Нѣтъ, нѣтъ... Вотъ монастырь Альбины... Сейчасъ я приведу оттуда отшельницъ... Плоды и вода воскресясть тебя... для новыхъ испытаній»... Онъ отходитъ къ колодцу... Но Таиса вся теперь уже въ небесахъ. Благодарна за все. Смерть не пугаетъ ея, она причастилась истины и кротко

ждеть конца. Благословляетъ жестокаго монаха, вернувшаго ее Богу. Съ любовью смотрить на его покрытыя пылью черты. Если бы у нея хватило силы, простерлась бы у его ногъ.

Какимъ величиемъ полонъ послѣдній актъ чудной оперы. Тутъ параллельно развиваются двѣ трагедіи человѣческаго сердца. Блудница и плясунья развратной Александріи дѣлается святою. Она все ветхое совлекла съ себя. Солнце пустыни и покаяніе еще безпощаднѣе этого солнца сожгли ея плоть. Все, что ласкали иочистыя жадныя руки, прошло сквозь огонь добровольной казни. Она теперь въ порывѣ къ чистѣйшему свѣту иныхъ небесь, — тѣхъ, которыя ей указалъ Атанаэль. Если бы она проснулась опять цвѣтущей, счастливой, здоровой и любимой у себя, все это оказалось бы страшнымъ кошмаромъ, она въ ужасѣ сама ушла бы изъ капища любви, сожгла его для этой Фиваиды съ затерявшимся на горячемъ утесѣ бѣлымъ, слѣпящимъ глаза монастыремъ. Она уже не принадлежитъ землѣ. Чудомъ еще душа ея прикрѣплена къ умирающему тѣлу, но уже тянется къ иному міру, вся охваченная его святымъ спокойствіемъ. Таиса стала духомъ, и вдругъ Атанаэль понялъ, что все время и тогда, когда вспомнилъ о ней въ своемъ убѣжищѣ, и въ видѣнномъ имъ снѣ среди безмолвной пустыни, и въ Александріи, на пышномъ пиру сибарита Нисиаса, и въ эту дорогу сюда — мучительную, убийственную, страдную, онъ любилъ Таису, не какъ избранницу небесъ, не какъ сестру, не для того, чтобы вернуть ее раю, а какъ женщину, какъ красавицу... Со страшною ясностью созналъ, что одинъ мигъ земной радости и раздѣленной страсти выше всего, что онъ извѣдалъ до сихъ поръ. Съ безумiemъ духовидца и аскета кидается къ ней. Молить ее вернуться къ нему, клянется ее любить,

объщаетъ заставить позабыть всѣ муки... Солнце долгіе годы свой жаръ передавало его сердцу, его крови, и теперь онъ вылился въ такихъ признаніяхъ, какихъ, навѣрно, она не слышала въ излюбленномъ городѣ сластолюбивой Клеопатры и изнѣженныхъ Птоломеевъ. Атанаэль проклинаетъ собственную слѣпоту, плюетъ на каждое мгновеніе своего труднаго подвига, топчетъ святыню, которой поклонялся. Любви, любви! Одной улыбки, одного поцѣлуя на-вѣки сомкнувшихся усть! Она принадлежала ему, и онъ самъ святотатственной рукою засыпалъ животворный источникъ, убилъ чудное созданіе, на которое молились другіе... А пустыня кругомъ дышитъ жаромъ и грознымъ величиемъ, знайныя скалы уходятъ въ небеса, не знающія облака, даль, не вѣдающая тумана, пропадаетъ въ безконечности, сухой песокъ горить золотомъ... Умираютъ скрипки, струны арфы дрожать, какъ этотъ воздухъ, измученный зноемъ, и тихо-тихо плачутъ віолончели обѣ угасшей навсегда красотѣ, и только гдѣ-то, далеко-далеко, слышутся, словно во снѣ, слабыя отраженія счастливыхъ пѣсенъ Александріи... Я вышелъ изъ театра въ чаду. Синія небеса Кастиліи горѣли страстными звѣздами... Нервная, еще въ тоскѣ и трепетѣ пережитой роли, примадонна вскочила въ свою карету. Я, помня ея приглашеніе, сунулся было туда, но сейчасъ же откинулся назадъ. Подъ яркимъ свѣтомъ электрическаго фонаря я различилъ тамъ рядомъ съ нею... дона Луиса Маріано.

Луисъ Маріано рядомъ съ нею! Что это значитъ? Только что его представили... Вѣроятно, онъ побывалъ у нея въ слѣдующемъ антрактѣ. Но мы здѣсь условились ужинать у нашего посла? Или у Александры Порфириевны такъ закружилась голова, что она забыла обо всемъ? Я зналъ, какъ въ Испаніи всѣ на четыре копыта распластываются передъ знаменитыми тореро, но никакъ не ожидалъ отъ свой русской. Стало больно, щемило сердце, дышалось трудно. Ревнивое чувство зависти къ самомуувѣренному и красивому мяснику — вѣдь онъ все-таки мясникъ, не болѣе — вывело меня изъ обычнаго равновѣсія. И что она нашла въ немъ! Много у насъ въ Москвѣ такихъ — хоть прудъ пруди. А то не успѣла увидѣть, какъ уже побѣждена. Что за гадость! Поди, теперь объясняется онъ ей во-всю — тоже не изъ таковскихъ, чтобы терять время даромъ. Привыкъ у себя дома за все руками хвататься, думаетъ, что нивѣсть какъ осчастливить глупую иностранку. Разумѣется, глупую. Была бы умнѣе — заставила бы его походить за собою, а то — на поди! Получай всю, какъ есть, безъ остатка. Эдакая распущенность! И, какъ нарочно, мнѣ вспоминалась она такою, какою я сейчасъ видѣлъ ее въ «Таисѣ». Съ чудными плечами, высокою грудью, гелосомъ, отъ котораго въ сердцѣ вздрагиваетъ что-то, и тянется за нимъ. А еще въ этомъ голосѣ мнѣ чудились сегодня какія-то особенные нотки. Точно она со мною говорила иначе, чѣмъ съ другими, и во мнѣ все замирало, сладко-сладко кружилась голова, и розовый туманъ застипалъ передъ глазами. Безотчетно тянуло къ жизни, къ счастью и чѣму-то всегда новому — будь оно хоть тысячнымъ повтор-

рениемъ одного и того же. Неужели это съ ея стороны только привычка? Зачѣмъ же она дольше удержала въ своей мою руку и такъ смотрѣла на меня? Играла, что ли? Какой-то быкобоецъ и я. И къ глухой, больной ревности присоединилось оскорбленное самолюбіе. Подумаешь — мало такихъ, какъ она! Только пожелай. Очень мнѣ нужно разстраиваться изъ-за первой встрѣчной. Тутъ же, въ Мадридѣ, захочу и найду десятки, да еще куда получше. Настоящихъ севильянокъ. Тѣ же сестры Хиральда, напримѣръ. Развѣ ее можно поставить рядомъ съ ними? У тѣхъ грація, огонь, сила. Навивная прелестъ только что распустившихся лилій. А она, поди, не разъ захватана нечистыми руками. Знаю я такихъ! Сцена ихъ на все бросаетъ. Передъ каждымъ рецензентомъ подличають, хотя тотъ отъ рожденія водобоязнью страдаетъ и съ кускомъ мыла не знаетъ, что ему дѣлать: нюхать его или ъсть. И въ то же время что-то насыщливоѣ мнѣ: теперь онъ рядомъ съ ней. Сорти-де-баль отъ движенія кареты сползъ съ ея плеча — и губы около. Станеть онъ сдерживаться, какъ же. Вреть ей напропалую. А у той голова вертится, и она смѣется ему, точно ее щекочутъ, сама не зная, что тутъ смѣшнаго. Пойду къ себѣ и лягу спать. Ну, ее ко всемъ чертамъ, — а самъ направился къ Calle Arenal, гдѣ жилъ посланникъ. Встрѣчусь — не скажу съ нею ни слова. Точно и не знакомъ. Нѣть, это ужъ будетъ совсѣмъ по-дурацки. Напротивъ, обойдусь такъ, будто ничего не случилось, и я даже вовсе не замѣтилъ этого пестраго осла въ женскихъ браслетахъ и съ косичкой позади, бритаго, сверкающаго будто кокотка неприлично крупными рубинами. Воображаю, какъ она раскраснѣлась. Явится вся смятенная, растрепанная — еще бы, какая честь!

Самъ Луисъ, донъ Луисъ удостоилъ ее высочайшимъ вниманiemъ. Султанъ бросилъ ей платокъ! Всъ онъ однимъ миромъ мазаны. Какъ бабочка на огонь, а опалитъ себѣ крылья и топорщится на землѣ безобразнымъ червякомъ. Въ каждой артисткѣ сидить куртизанка. Не даромъ она была такъ хороша сегодня въ партіи александрійской плясуны. Только Таиса разоряла, а донъ Луисъ самъ требуетъ, чтобы на него разорялись бабы. Какая сволочь! У подъѣзда я замѣтилъ карету Александры Порфириевны. Значить, они прямо поѣхали сюда — не катались... Мнѣ стало легче. Въ салонахъ посланника было мало народа. Князь меня встрѣтилъ: «У меня только свои!...» И на мой удивленный взглядъ по направлению къ Маріано, — «вы не знакомы?» Въ Испаніи тореро съ именемъ — желанный гость вездѣ. Это даже придаетъ извѣстный блескъ гостинymъ. А донъ Луисъ, сверхъ того, образованный человѣкъ и джентльменъ!

— Только принимаетъ подарки отъ женщинъ.

— Да, но это здѣсь въ обычай. Здѣсь и въ Италіи. Вы помните еще у Боккачіо, когда Мадонна такая-то увлекалась кѣмъ-нибудь, она первымъ дѣломъ посыпала къ нему старуху и кошелекъ съ цехинами. То же вы найдете у Тирсо-де-Моліна, у Лопе-де-Вега. А тореро и Богъ велѣлъ.

Александра Порфириевна, увидѣвъ меня, вспыхнула.

— Ради Христа, простите!

— За что... Въ чемъ вы провинились? — я напустилъ на себя столько равнодушія, что вся моя игра оказалась чернымъ по бѣлому.

— Я обѣщала привезти васъ.

— Развѣ? Не помню!

— Меня одно только утѣшаетъ. Вы все-таки зли-тесь, и это видно.

— На что?..

Она уже весело засмеялась.

— Знаете, я не могла иначе. Тутъ для испанцевъ я все-таки иностранка. А они ко всему чужому относятся отвратительно. Ну, а донъ Луисъ — если я его запутаю...

Она замѣтила, что я поморщился.

— Всю жизнъ вы провели за кулисами, а къ нашему языку еще не привыкли. Если онъ, этотъ идолъ здѣшній, будетъ за моимъ хвостомъ бѣгать, весь Мадридъ окажется въ моей гостиной.

— Смотрите, не обочтитесь.

— А что?

— Я знаю хорошо Испанію и испанцевъ. Такіе, какъ донъ Луисъ, привыкли получать задатки... *Раньше*, — я подчеркнуль, — раньше онъ для васъ не пошевелилъ пальцемъ.

— Ну, это мы посмотримъ.

— Въ партіи съ нимъ — проиграете вы.

— Убирайтесь. Въ воскресенье приходите на бой быковъ. Посмотрите, какой будетъ эффектъ, когда онъ посвятить мнѣ первого *toro*!

Я молча поклонился и отошелъ въ сторону.

Она обиженно посмотрѣла на меня и, вѣроятно, въ отместку удвоила любезность къ донъ Луису. Должно-быть, они говорили обо мнѣ. Черезъ минуту Маріано подошелъ ко мнѣ.

— Вы тоже писатель... Я радъ познакомиться съ вами. Мы иѣкоторымъ образомъ товарищи.

— Это какъ? У насъ, въ Россіи, боя быковъ нѣтъ.

— Я не о немъ. Я прежде, чѣмъ сдѣлаться тореро, перепробовалъ всѣ профессіи. Послѣ университета служилъ, но мнѣ не повезло, написалъ ученую работу «О языкѣ басковъ», меня Гуадалора отдѣлалъ такъ, что я съ отчаянія кинулъся въ консерваторію. Вообразилъ себя теноромъ и былъ въ

Санть-Фернандо въ Севильѣ освистанъ, да какъ! Не дай Богъ никому. Мой другъ Эскобаръ, теперь онъ издастъ «La Ероса», надоумилъ меня: «Ты хорошо рассказываешь — попробуй себя въ романѣ». Я такъ и сдѣлалъ. Выпустилъ цѣлыхъ три. Но единственными покупателями моими были я и Эскобаръ. А Луисъ Альфонсо, нынче тоже пріятель, которому я преподнесъ свой экземпляръ, такъ меня отдѣлалъ въ «El Globo», что нѣкоторое время я не рѣшался показываться. А потомъ думаю, чѣмъ я хуже Лагартихо или Фраскуэло? Силы и ловкости у меня много. Другихъ такихъ красивыхъ, какъ я, на всемъ Пиренейскомъ полуостровѣ не найдешь, отчего бы мнѣ не заняться тавромахией... И черезъ два года послѣ этого я сдѣлался славою Испаніи! У меня деньги, виллы, лучшія женщины... Да кстати... эта русская, донна Александра — она графиня?

— Кто вамъ сказалъ?

— Никто, но я знаю, что у васъ вѣдь графини... Ктоѣздить за границу.

— Да, что-то въ этомъ родѣ, — солгалъ я.

— Я такъ и думаю, — одобрилъ онъ. — И потомъ она должна быть богата. Вообще «кусочекъ не вредный, дай Богъ всякому католику». Надо ею заняться.

— Вы ей посвящаете первого быка въ воскресенье?

— Да... я обѣщалъ... Если она этого заслужить.

Я готовъ былъ его ударить, но князь, стоявшій около, засмѣялся и отвелъ меня въ сторону.

— Вы ихъ не отучите. Вѣдь это создавалось цѣлыми поколѣніями. У нихъ бой быковъ — народное торжество, а тореро — народный богатырь, герой витязь. Знаете, наше министерство иностранныхъ дѣлъ, въ гуманной заботливости своей о бѣдныхъ

быкахъ, предложило мнѣ убѣдить испанское правительство принять мѣры къ прекращенію «этого безчеловѣчнаго зрѣлища!» А я только-что быль перемѣщенъ сюда изъ Швейцаріи, ну, я и отвѣтилъ: скорѣе добьюсь выдачи десятерыхъ Нечаевыхъ, чѣмъ спасу хоть одного быка, приведенного на арену. Если бы я попытался даже начать такія хлопоты, мнѣ бы немедленно пришлось уѣхать отсюда...

Послѣ ужина Александра Порfirьевна подошла ко мнѣ.

— Я васъ довезу въ отель, намъ вмѣстѣ.

— Благодарю, я самъ дойду!

Она покраснѣла, гнѣвно сверкнула на меня глазами и преувеличенно громко предложила черезъ комнату.

— Донъ Луисъ...

— A la disposicion de uste!

— Я васъ довезу сначала къ вамъ, а потомъ вернусь одна.

Онъ поклонился. Принялъ, какъ должное. Какъ будто того онъ и ожидалъ. У меня все кипѣло.

— Желаю успѣха!

— Благодарю васъ... Постараюсь воспользоваться!

И какъ оскорблennая королева, Александра Порfirьевна пошла подъ руку съ Маріано.

IX.

Дома мнѣ не спалось. Расшалились нервы... Я долго ходилъ изъ угла въ уголь. Какъ мнѣ показалось это долгимъ! Потомъ я вышелъ на балконъ. Площадь «Солнечныхъ воротъ» была залита луннымъ

свѣтомъ... Съ моей высоты вся, какъ на ладони. Трамваевъ уже не оказалось. Люди бродили тихо по ся панелямъ. Слышнѣе, чѣмъ днемъ, струны гитаръ. Часто съ Буэно Ретиро возвращались молодыя парочки и пѣли, точно въ цѣломъ мірѣ, кромѣ ихъ, никого не было... Одна остановилась подъ балкономъ. Я прислушался. Довольно звучный баритонъ началъ тихо-тихо:

Дай руку мнѣ скорѣе —
Ты слышишь, какъ дрожитъ?
То не рука, а сердце .
Рукою говорить...

Мгновеніе молчанія, и вдругъ прекрасное меццо-сопрано отвѣтило ему:

Моя рука недвижна,
И сердце ужъ молчитъ,
Молчитъ за тѣмъ, что милый
Давно въ землѣ лежитъ.

Гдѣ это я слышалъ въ первый разъ... Господи! Да вѣдь та же пѣсня всколыхнула мнѣ душу въ пальмовыхъ рощахъ Эльче, этого арабскаго города, словно чудомъ уцѣлѣвшаго въ позабывшей старыя были Испаніи... И меня вдругъ потянуло туда, подъ несравненные небеса Мурсіи, къ тихимъ и свѣтлымъ водамъ, въ которыя глядятъ и не наглядятся бѣлые лиліи. Какъ тамъ хорошо жилось когда-то подъ сквозною тѣнью такихъ величавыхъ пальмъ, какихъ и въ Африкѣ не найдешь теперь... Въ эту лунную ночь, что за поэтическій миражъ Эльче... Какъ серебряныя ступени — его плоскія кровли. Синія тѣни на бѣлыхъ стѣнахъ. А церкви? Да вѣдь онъ только золотые кресты поставили на восточные купола мечетей, минареты до сихъ поръ говорятъ вамъ о великолѣпныхъ маврахъ Гренады... Должно-быть, и эти двое счастливцевъ оттуда. И

имъ луна и теплынь напомнили далекую родину... Я наклонился разсмотреть ихъ, но въ эту минуту подъѣхала карета. Изъ нея вышла Александра Порфириевна. Она смотрѣла на мой балконъ, но я откинулся во-время. Еще, пожалуй, вообразила бы что я ее жду, и вдругъ мнѣ съ ясностью представилось, что вѣдь именно ее я и ждалъ здѣсь... Мучился и ждалъ все это время, хотя ни за что не показался бы ей. Только недоставало разыграть въ глазахъ неблагодарную роль печального вздыхателя на мадридскомъ балконѣ. Воображаю, какъ она смыялась бы надо мной... Скоро въ ея комнатѣ послышался шумъ и голоса. Ея сестра не спала. Онъ обѣ наклонились въ окно.

— Ты знаешь, этотъ (должно-быть, дѣло шло обо мнѣ) приревновалъ меня...

— Ну!

— Ей-Богу. Къ донъ Луису. Не понимаетъ тоже, что для меня это вопросъ карьеры. Я воображаю Лаборанти. Она теперь лопается отъ злости. Вѣдь Маріано на прошлой недѣлѣ началъ за ней ухаживать. А я его у нея изъ-подъ носу...

— Ай да мы! Знай нашихъ.

— Сами московскіе...

— Я его сейчасъ довезла домой... Умоляль здѣти къ нему... Ты знаешь, онъ очень выигрываетъ вблизи. Какіе глаза! И умѣеть говорить. Голосъ нервный, вздрагивающій... Въ душу просится.

«Мерзавецъ!» — выругался я про себя...

— Ну, Санька, пора спать. Завтра вѣдь репетиція.

— Да, и послѣ я обѣщала принять донъ Луиса. Онъ у насъ завтраѣаетъ... Я бы позвала и нашего (очевидно, опять подразумѣвался я), да боюсь... Выкинетъ еще что-нибудь... Ну, пойдемъ...

Послышался стукъ затворившагося окна.

Я могъ опять выйти на свой мирадоръ.

Совсѣмъ синяя ночь и небо синее. Только дома на площади кажутся серебряными. Желѣзная паутина балконовъ и въ ней — никого. Все рѣже и рѣже гуляющіе внизу... Что-то есть въ этомъ воздухѣ зовущее къ любви, счастію, призванію. Какъ въ такую ночь молчать? Страшно кажется утратить чудное мгновеніе. Вѣдь оно не вернется никогда, никогда. Быть-можеть, будуть другія лучше, но это не повторится. И я готовъ бытъ бить себя. Въ самомъ дѣлѣ, уйти въ потемки. Не отзваться на голоса! Не перекинуться изъ мирадора въ окно словами, которыя теперь жгутъ грудь. За тѣмъ окномъ, рядомъ, темно. Въ слѣдующемъ чуть брезжитъ огонекъ... Должно-быть, зажгли ночникъ. Ложатся спать. Какъ можно, когда дали такъ прозрачны, мѣсяцъ ярокъ и, кажется, малѣйшій атомъ воздуха дрожитъ отъ желанія. Какая-то волшебная фея, пролетая надъ спящимъ городомъ съ кубкомъ неудовлетворенной страсти въ рукахъ, пролила его, и теперь, стоя здѣсь, на высотѣ, пьешь эту мучительно-блаженную страсть и не знаешь куда дѣваться съ нею... Гдѣ-то запѣль серено... Тихо... Какъ тихо! Слышишь біеніе своего сердца и дрожь безчисленныхъ струнъ... Огонекъ въ *ея* окнѣ погасъ. Неужели она заснула такъ просто, такъ буднично просто? Я вспомнилъ свой первый прїездъ сюда. Другая была со мною. Легкій призракъ чистой, какъ азалія, блокурой сѣверянки точно наклонился съ балкона рядомъ со мною... Нѣть, не азалія. Азалія бездушна... Въ ней нѣть аромата — этого внутренняго выраженія мысли и сердца. Скорѣй ландышъ... Гдѣ она теперь... На далекомъ кладбищѣ лежитъ подъ снѣгомъ, еще покрывающимъ молчаливую страну. Забытый крестъ надъ ней. Только въ такія ночи, какъ эта, она выходитъ изъ

могилы и на зло годамъ и разстоянію слетаетъ ко мнѣ съ безмолвнымъ: «Ты помнишь... Не забыть... Вѣдь я все та же и опять съ тобою»...

Х.

Лаборанти эти дни дѣйствительно сходила съ ума. Никакъ не могла понять, чѣмъ такимъ взяла русская пѣвица, которую, какъ истая итальянка, Лаборанти въ гропѣ не ставила. Въ самомъ дѣлѣ, она заставила даже короля пригласить ее къ себѣ, и, какъ говорили въ Мадридѣ, Альфонсъ ХІІІ былъ у нея на другой день. Послѣ въ поздніе часы его узнавали въ таинственномъ посѣтителѣ, выходившемъ изъ ея подъѣзда, по самый носъ завернувшись въ капу. Что этотъ донъ Хуанъ былъ не простой смертный, можно было видѣть по крайней нервности и многочисленности полицейскихъ около и по тому, какъ съ нею раскланивался преторъ, встрѣчая ее на улицѣ и въ театрѣ. Сагаста, Кастеларъ, Кановасъ-дель Кастильо — всѣ они «умирали у ея ногъ», хотя она никого долго страдать не заставляла, и даже представитель строжайшихъ орденовъ Филиппинскихъ монаховъ, Пидаль, и тотъ недѣли двѣ-три былъ у нея своимъ человѣкомъ, смѣнивъ Кастелара. По отношенію къ различіямъ политическихъ партій Лаборанти была довольно беспечна. Сагасту и Кановаса она «любила» въ одно и то же время, продѣлывая, подобно другимъ женщинамъ, обычный опытъ держать въ общемъ мѣшкѣ кошку съ собакой. И вдругъ тотъ, кого ей хотѣлось пуще всего залучить къ себѣ, знаменитый *espada*, донъ Луисъ Маріано, который, такъ сказать, увѣнчалъ бы ея

успѣхъ въ Испаніи, увлекается этою холодною сѣверною куклой съ васильковыми глазами и бѣлой, «какъ у зарѣзанной курицы», кожей. То ли дѣло она, Лаборанти. Не даромъ родилась въ Сициліи, хотя и отъ неизвѣстнаго отца, но отъ восхищавшей нѣкогда въ Палермо танцовщицы Пецкано. Лаборанти, впрочемъ, была не изъ такихъ, чтобы такъ, безъ боя, сложить оружіе. Дама на этотъ предметъ оказывалась свирѣпая и сама рассказывала, когда властелинъ итальянской оперной сцены Риккорди «не захотѣлъ ей доброго» (поп *volevo mi bene*), она сама сцапала его гдѣ-то, привезла къ себѣ и двое сутокъ держала подъ замкомъ, пока тому не надоѣла неблагодарная роль Іосифа Прекраснаго, и онъ перешелъ на другое амплуа. Зато, послѣ, долго онъ не давалъ импресаріямъ нѣкоторыхъ оперъ, если въ нихъ не пѣла Лаборанти. Она одѣвалась теперь великолѣпнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, когда не пѣла, показывалась въ ложѣ и такъ пучила блестящіе глаза, что вчужѣ становилось страшно. Везувій, помноженный на ея родную Этну, не далъ бы столько пламени — и въ партерѣ жертвы ея считались сотнями, и первой оказался другъ Маріано, донъ Игнасіо Хиль. Этому она живо свертѣла голову, какъ цыпленку. *Maestro* клаки даже пустился въ поэзію. Онъ напечаталъ стихи съ посвященіемъ прекрасной Лаборанти. Когда она пѣла, какъ перчатка выворачивалася наизнанку, устраивая ей фуроры и «фанатизмы». Даже забылъ явиться за слѣдующими ему нѣсколькими тысячами песетъ.

Александра Порфириевна, разумѣется, была выше этого и не обращала вниманія на соперницу.

И во вторникъ, и въ среду, и въ четвергъ я встрѣчалъ у нея донъ Луиса. «Слава Испаніи» была доведена до самаго высокаго давленія. Она кокетничала съ нимъ напропалую, дразнила его, какъ ни одинъ

тореро не дразнить быка. Случалось, онъ уходилъ отъ нея взбѣшенный; ругаль всѣхъ святыхъ и въ кафе Форносъ заводилъ ссоры съ незнакомыми людьми. Нѣсколько разъ я самъ былъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, и моя ревность успокоилась. Я видѣлъ, что этотъ мясникъ такъ же далекъ отъ успѣха, какъ въ первый день своего знакомства съ нею.

— Ну, что вы теперь на стѣны не лѣзете? — спросила она у меня.

— Нѣть!

— Тоже хороши. Вообразили, что такъ сейчасъ за меня руками хвататься можно... Мнѣ нуженъ снѣ для воскресенья. Послѣ этой corrida de toros я буду самой популярной женщиной въ Мадридѣ. Это вѣдь день рожденія королевы — и онъ первого быка посвятить не ей, а мнѣ. Да послѣ этого и карлисты, и республиканцы, и автономисты на рукахъ меня вынесутъ съ арены. А то скажите, пожалуйста... Не видѣла я... Ужъ на то пошло если, такъ вы куда лучше!

Я поцѣловалъ ея руку и почувствовалъ, что она сама нѣсколько дольше удержала мою... А потомъ вдругъ оттолкнула меня и, вся вспыхнувъ, крикнула:

— Убирайтесь. И до воскресенія носу не показывайте!

— Это за что?

— А за то. Вы мнѣ мѣшаете! — и сейчасъ ужъ дѣловомъ тонѣ: — А въ наши московскія газеты вы писали ужъ обо мнѣ?

— Какъ же.

— И въ Петербургъ?

— Да. Все, что видѣлъ и слышалъ, добросовѣстнѣйшимъ образомъ изложилъ.

— Я вамъ свой портретъ дамъ. Устройте, чтобы его помѣстили иллюстрированные журналы. Можете?

— Нѣть ничего легче...

— Ну, вотъ, панинка.

Зажала мнѣ губы ладонью, дала другую и выгнала... Остановила на минуту въ дверяхъ.

— Вотъ что, въ субботу поѣдемъ вмѣстѣ на арену.

— Зачѣмъ паканунѣ?

— Мнѣ донъ Луисъ рассказывалъ, что для этого боя доставлять какихъ-то необыкновенныхъ быковъ. Наканунѣ ихъ можно видѣть.

Въ коридорѣ я наткнулся на донъ Луиса.

— Донья Александра дома?

— Гдѣ же ей быть.

— Знаете... — и вдругъ въ припадкѣ откровенности: — Я чувствую, она меня съ ума сведетъ. Ну, что ей нужно — развѣ она найдетъ лучше меня? А вѣдь мнѣ только стоитъ захотѣть, кивну, и такая красавица, какъ Лаборанти, сама прибѣжитъ ко мнѣ.

Ужъ у себя я слышалъ рядомъ, какъ донъ Луисъ ссорился съ примадонной.

Онъ что-то выговаривалъ ей возбужденно и крикливо, говорилъ долго и много (воображаю, какіе жесты были при этомъ). Она смѣялась, потомъ ласково и тихо отвѣчала ему. У меня опять было проснулась змѣя въ груди, но я тутъ же услышалъ голосъ сестры. Черезъ часъ онъ ушелъ. Ко мнѣ въ стѣну постучали.

— Идите чай пить.

— Ну, что, убрался вашъ...

— Да... Не солено хлебавши! — и улыбка торжества такъ и освѣтила ея лицо. — Ужъ слишкомъ все это у нихъ просто. До гадости.

— Онъ не виноватъ. Такъ его пріучили...

Солнце уже заходило по ту сторону Puerta del Sol. На золотѣ заката совсѣмъ черные стояли дома. Въ открытые окна вѣяло чудною вечерней прохладой, о

которой на нашемъ студеномъ съверѣ мы не имѣемъ никакого понятія.

— Какъ хорошо!...

Подставляла пылавшія щеки ласкѣ кастильского вечера. Столько нѣги было въ мягкомъ воздухѣ, столько красоты въ смягченномъ свѣтѣ. И небо, небо! Старые художники такъ любили его. Въ немъ именно рождались святые призраки, и мерещились крылья ангеловъ.

— Хотите куда-нибудь? Ахъ, да вѣдь сегодня наша родительская суббота у нихъ, да?

— Не знаю.

— Вы увидите. Испанцы теперь поминаютъ по-крайниковъ. Весь Мадридъ на кладбищѣ. Пойдемъ. Позвонила.

— Прикажите мою карету...

И черезъ нѣсколько минутъ мы свернули въ черную calle Montero.

Церкви были полны народомъ. Въ ихъ темныхъ входахъ мерещились сотни дрожащихъ огоньковъ. Въ одномъ мѣстѣ мы пріостановились — надо было пропустить мимо процессію. Хоругви съ Мадонной величаво колыхались надъ толпами. Въ золотистомъ свѣтѣ сизымъ казался єиміамъ. Одѣтые ангелами дѣти чередовались съ высокими конусообразными капюшонами братьевъ-кающіхся, лица которыхъ были завѣшены. Только для глазъ прорѣзывались отверстія. За ними шли конгрегаціи, и вдругъ, въ самой мрачной изъ нихъ (черные капюшоны, бѣлые черепа на груди и подъ ними двѣ скрещенные кости), я различилъ дона Игнасіо Хиля. Увидѣвъ настѣ, онъ отдѣлился и подошелъ къ коляскѣ.

— Вы, что тутъ дѣлаете? — удивился я.

— Я?.. Носитель блюда.

— Какого?

— На которомъ Иродіадѣ подали голову Іоанна Крестителя.

— Позвольте, вчера вы съялись надъ этимъ. Я въсъ считалъ свободомыслящимъ. Вы сами мнѣ объясняли, что блюдо это арабской работы и письмена на немъ арабскія.

— Да, я — свободомыслящій, но я ставлю свою кандидатуру въ кортесы. А мой околотокъ весь въ рукахъ у клерикаловъ.

И онъ побѣжалъ догонять своихъ.

Священники что-то пѣли, тонкіе, въ короткихъ курткахъ и панталонахъ съ раструбами внизу, чуло несли громадное знамя съ десятками шелковыхъ шнуровъ. Я всмотрѣлся, оказывается, ловкіе малые воспользовались процессіей и примкнули къ ней. Священная реликвія, за которую я принялъ знамя, была просто-на-просто громадною шелковою афишой ближайшаго боя быковъ. На немъ такъ и изображалось: *Los toros de Madrid... „En los días 18, 19 y 20 Feria de esta capital... Tres magnificas corridas — ganaderias seis toros della S-ra D-na Cofsa Fuente-fredo viuda de Concha y Sierra“* и т. д. Чуло шли совершенно серьезно, точно это такъ и слѣдуетъ, и пѣли вмѣстѣ со священниками, а позади толстый малый съ портфелемъ, и кто спрашивалъ, тому и продавалъ билеты.

— Не объявленъ ли тутъ и вашъ донъ Луисъ?

— Нѣть, Маріано выше этихъ рекламъ.

Монтера осталась позади. Теперь шли народные кварталы. Громадные дома кишѣли жильцами, какъ муравейники. На балконахъ, мухами, запутавшимися въ паутину, возились сотни дѣтей. Изъ оконъ вывѣшено бѣлье. Шумъ и гамъ невообразимые. Можно было подумать что происходит состязаніе: у кого глотка шире, и кто переореть другихъ. Въ гвалтѣ бабы ухитрялись изъ верхнихъ этажей пере-

говариваться съ знакомыми внизу, мастеровые пѣли, а на одной площади молоденькія нини остановили шарманку и подъ ея визгливый напѣвъ отплясывали арагонесу и севильяну. Къ нимъ подобрались было мучачи, но онѣ отогнали ихъ локтями. Не ваше дѣло-де, не суйтесь, и безъ васъ сиравимся. Юноши подумали-подумали и, схватившись другъ съ другомъ, давай подъ ту музыку отхватывать «мадрилену»... Широкая народная улица уперлась въ какую-то рощу. Здѣсь ужъ народъ шелъ сплошною массой, и наша коляска подвигалась шагомъ. Дорога шла вверхъ зигзагами... Обогнула мрачное и молчаливое зданіе старого монастыря, въ амбразуры которого давнымъ-давно не выглядывало ни одно живое лицо. На башнѣ его было пусто. Въ просвѣтахъ, точно желтая стекла, виднѣлось небо на западъ. Колокола давно сняты, и вся эта обитель точно громадная могила. Каменный мавзолей забыть и запущенъ... Только изъ-за одной стѣны вытянулись въ неподвижный воздухъ густые траурные кипарисы.

XI.

Ещѣ два-три поворота дороги, — и передъ нами раскинулась вершина невысокой горы, въ нѣсколько ярусовъ покрытой памятниками, монументами, капеллами самыхъ фантастическихъ формъ. Тутъ и легкіе портики Греціи, и тяжелые массивы Ѹивъ, и восточные арки арабовъ, и готика. Оттуда гулъ. Точно на кладбище слетѣлись тысячи тысячь шмелей и гудятъ въ тепломъ воздухѣ умирающаго дня — передъ синею уже стоящей на востокѣ ночью. Хороши были кастильскія дали отсюда! Какая ме-

ланхолія лежить на этихъ гладяхъ, и какъ красивъ въ розовомъ сіянніи каменный профиль Мадрида по-зади. Скучный городъ Филиппа II надо видѣть именно въ эти часы, на немъ задумчивая печаль, какъ на лицѣ монаха-трапписта, которому осталось только «помнить смерть», потому что врата жизни для него замкнулись. Страшно было думать, что въ городѣ, кажущемся мертвымъ и недвижнымъ, неистово шумить теперь толпа на Пуэрта дель Соль и въ аллеяхъ Прадо. Мимо несли сотни вѣнковъ, гирляндъ, букетовъ. Казалось, въ садахъ и поляхъ срѣзаны всѣ цвѣты, чтобы украсить ими милыя могилы. Женщины уже загодя плакали. Вонъ одна, красивая и молодая (о мертвомъ ли ей думать!), бѣть себя въ грудь и причитаетъ совсѣмъ по-нашему. Такъ и вспоминаешь какое-нибудь деревенское кладбище съ бабой, убивающейся надъ чьей-нибудь могилой.

А вотъ и совсѣмъ на насть не похожее: молодежь съ гитарами. Печальная пѣсня. Вглядитесь: лица грустны, каждый изъ нихъ оставилъ здѣсь, на этомъ кладбищѣ, близкое, дорогое существо... Зато доны Базиліо, вѣрные традиціонному Россиніевскому типу, веселы и благополучны... Таксировали каждую молитву, всякое благословеніе могилы. Такой день, какъ сегодня, наполнить ихъ погреба тонкими винами, кладовый — всякою живностью. Когда съ Александрой Порфириевной мы шли вверхъ между двумя могилами, безчисленное множество которыхъ раскинуто по сторонамъ, сердце невольно сжималось отъ поэтической тоски далекаго юга. Почти всѣ покрыты цвѣтами. Женщины, дѣти плакали, мужчины около въ благоговѣйномъ молчаніи. Вѣтра не было, и тысячи свѣчей горѣли у изголовій надгробныхъ камней, у памятниковъ, у насыпей. Казалось, отжившія свой земной предѣлъ души на минуту вы-

глянули, вспыхнули и свѣтятся въ синихъ сумер-
кахъ мадридского вечера. Капеллы, монументы —
сколько на нихъ потрачено красоты, вкуса, денегъ.
Мраморъ, порфиръ, яшма подъ искусствомъ рѣзцомъ
сверкали безчисленными огнями. И когда съ верши-
ны этого Некрополя мы взглянули на склоны, къ са-
мой долинѣ, насъ поразило необъятное величіе. Кру-
гомъ сверкало, сіяло, загоралось вновь... Въ морѣ
свѣтляковъ, трепетавшихъ, вспыхивавшихъ пламен-
ныхъ бабочекъ, шевелившихъ золотыми крыльями,
такъ прекрасны издали казались черныя траурныя
женщины, такъ трогалъ душу сплошной гулъ мо-
литвъ, грустныхъ напѣвовъ. Ужъ не было будущаго
и настоящаго. Все въ прошломъ. Жило былою ра-
достью... Казалось, изъ-подъ земляныхъ насыпей,
мраморовъ и бронзъ поднялись невидимые оплаки-
ваемые друзья, и ихъ легкое движеніе колышетъ и
раздуваетъ миллионы огоньковъ. Миллионы потому,
что всякая могила горѣла десятками свѣтей, то
исчезавшихъ, когда мимо проходили черныя печаль-
ныя фигуры, то снова выступавшихъ на свѣтъ. Огни
и благоуханія цвѣтовъ, снесенныхъ сюда со всего
Мадрида, а кругомъ прозрачная голубая пустыня, въ
потемкахъ которой едва намѣчиваются громадный го-
родъ со своими замками, соборами, дворцами...

Когда мы уѣзжали, сіяющая поминальными свѣ-
чами гора казалась волшебнымъ призракомъ въ мол-
чаніи ночи. Тысячи жизней склонились въ нѣдра
этого призрака и только на нѣсколько часовъ высту-
пили оттуда, изъ вѣчныхъ потемокъ, и на слезы, и
пѣсни, и молитвы засіяли отвѣтнымъ пламенемъ. А
рядомъ, преслѣдя насъ, слышалась подъ звонъ ги-
тары скорбная пѣснь юноши:

«Какъ ты была прекрасна въ ту лунную ночь,
когда въ послѣдній разъ я видѣлъ твоё блѣдное
лицо за рѣшеткой мирадора. Счастливый и упоен-
»

ный стоялъ я на пустынной улицѣ и только тихимъ звономъ струнъ говорилъ тебѣ, что творится въ моемъ сердцѣ. Ты мнѣ не отвѣчала, но вспыхивали огнемъ твои большіе, печальные глаза, и я угадывалъ, что моя тоска нашла доступъ къ твоей душѣ.. Насъ видѣлъ одинъ Богъ на небесахъ да мѣсяцъ... Но мѣсяцъ зналъ, что дни твои сочтены, и потому онъ скрылся, грустный и задумчивый, за бѣлое сквозное облако... А Богъ — Ему нуженъ былъ еще ангель и, чтобы не поразить меня насмерть, въ безконечномъ милосердіи Онъ удалилъ меня далеко-далеко... Океаны, пустыни и горы легли между нами... Въ чужой странѣ я мечталъ о твоемъ мирадорѣ, о блѣдномъ прекрасномъ лицѣ за его рѣшетками. Слушая шелестъ пальмъ, вдыхая незнакомый ароматъ чудныхъ невиданныхъ цветовъ, думалъ о твоемъ голосѣ, о запахѣ черныхъ волосъ. Когда я возвращался назадъ, земля горѣла подо мною, океаны удерживали меня бурями, грозили крушѣніями. На пути вырастали изъ пучинъ ужасные отвѣсы утесовъ. Словно обручальные кольца посреди синяго океана манили въ идиллическую тишину, поросшіе яркими цветами, круги коралловыхъ острововъ съ вѣчнымъ покоемъ заключенныхъ въ нихъ лазурныхъ водъ... Бѣлпеній вихрь дулъ съ береговъ родины и долго не пускалъ мое суденышко въ ненадежную гавань... Волшебнымъ сномъ выросъ передъ моимъ влюбленнымъ взглядомъ бѣлый тысячебашенный Кадикъ. Встрѣтили меня нѣжною пѣсней, но не удержали въ мечтательныхъ патіо красавицы Андалузіи и Севильи. Я миновалъ долины и сіерры, и въ такую же лунную ночь, какъ и та, когда я простился съ тобой, пришелъ къ твоему мирадору... Я постучалъ въ него... За рѣшетками никого не было... Холодная змѣя обвила мнѣ сердце зловѣщими предчувствіями. Струны гитары

плакали, вызывая тебя... За одно слово твое я готовъ быль разбить голову о каменные плиты твоего дома... Твоя старая мать сжалась надо мною: «Не кличь Инесъ... Инесъ ушла навсегда... Ея нѣтъ ии здѣсь, ии гдѣ! Въ послѣдній часъ она молитвою за тебя простила съ тобой. Чтобы ее встрѣтить, надо умереть, но Богъ одинъ знаетъ, когда пробеть мигъ свиданія и встрѣчи!» Инесъ, Инесъ! — въ отчаяніи кричалъ я надъ твоей могилой, и въ отвѣтъ мнѣ колыхались только огоньки, зажженные надъ плитою. — Инесъ, Инесъ!.. И надъ ея крестомъ, мнѣ казалось, рѣялъ блѣлый призракъ и говорилъ мнѣ душою душъ... И цѣлый свѣтъ сталъ для меня пустыней, подобно безлюдному и враждебному океану... Отъ утеса къ утесу, отъ одной чуждой гавани къ другой я одолѣваю кипящія блѣлою пѣною волны... Когда же смерть приведетъ меня къ радостной пристани, и на ея ступеняхъ ты встрѣтишь меня?.. Въ тихую лунную ночь, блѣдная красавица Инесъ... Блѣдная, съ большими грустными глазами... Невѣдомыми путями все ведетъ меня къ тебѣ, и клянусь до встрѣчи съ тобой не будеть для меня ни улыбки, ни поцѣлуй... Инесъ, Инесъ!..»

Дома Александру Порфириевну ждала записка.

Она прочла ее, вспыхнула и показала мнѣ.

— Прочтите, каковъ донъ Луисъ!

«Завтра я жду васъ обѣдать. Я знаю, вы не поете и свободны. Мы будемъ одни... одни... У вашихъ ногъ я скажу вамъ все, что чувствую. Любая наша гѣрцогиня позавидуетъ вамъ... Пусть подъ моимъ горячимъ дыханіемъ растаетъ вашъ сѣверный ледъ. Мои комнаты будутъ полны розъ, онѣ всю ночь вздыхаютъ о счастьѣ нашей встрѣчи»...

— Каковъ?

Она тяжело дышала, негодование зажгло ея ватильковые глаза, и они горѣли синимъ огнемъ...

— Этого надо было ждать. Что вы отвѣтите?

— Что онъ дуракъ и нахалъ!.. Впрочемъ...

И на мой вопросительный взглядъ:

— Пока нельзя. Помолчу... Завтра скажусь больною. Пусть думаетъ, что у меня мигрень. Послѣ воскресенія, когда онъ выполнить свое обѣщаніе, я прогоню его. Тогда онъ ужъ будетъ мнѣ не нуженъ. А пока надо терпѣть!

— Не дешево вамъ стоять карьера!

— Такъ у всѣхъ. Прежде чѣмъ сдѣлаешь большое имя на сценѣ, надо пройти черезъ такое!.. Когда-нибудь я разскажу вамъ все. Подивитесь, сколько голубиной кротости и змѣиной мудрости надо для этого!

— Стоитъ ли?

— Внѣ сцены нѣть жизни... Что другое остается для женщины? Быть женою, матерью? Это все служебное. А я рождена не для вторыхъ ролей. Я примадонна по природѣ...

XII.

Мадридъ въ этотъ день точно взбѣсился. Вчера я заснула, открывъ двери на площадь. Было тепло. Казалось, черезъ безчисленныя сіерры Севилья наполнила воздухъ этого ближайшаго къ небу города нѣгой и ароматомъ. Въ лунномъ свѣтѣ таинственно и прічудливо рисовались на сѣверѣ вершины Гвадарамы. Не хотѣлось запираться. А тутъ въ самый ранній часъ меня такъ и подняло съ постели. Пуэрта даже не шумѣла просто, а гремѣла. Розоватый свѣтъ заливалъ ее, на блѣдномъ небѣ, точно застывшія золотыя волны, стояли облака. Народъ кишмя кишѣлъ

въ совсѣмъ необычное время. Изъ гула криковъ, говора, гвалта до меня доносилось: „Sol-Ombra“, „La Lidia“, „El Тогего“... и тысячи другихъ восклицаній. Вслушиваясь, я попялъ, продавались билеты на сегодняшнюю «corrida de toros», номера журналовъ, посвященные исключительно бою быковъ, портреты матадоровъ, ихъ жизнеописаніе, афиши и, разумѣется, неизбѣжныя въ Испаніи вездѣ, всегда и при всѣхъ условіяхъ лотереи... Это оживленіе южной толпы, я бы даже сказалъ: ея восторженное и говорливое ожиданіе (она молчить только въ трагическихъ минуты — и тогда ея безмолвіе грозно и ужасно) помѣпало мнѣ запереться и заснуть снова, хотя было только четыре часа. Я одѣлся и вышелъ. Внизу, казалось, море подхватило меня и понесло куда-то съ собою. Билетомъ я запасся рапѣе, какъ истинный „aficionado“ на самомъ „barrera“, т.-е. у ограды, отдѣляющей зрителя отъ арены, гдѣ совершается самое побоище, и, разумѣется, въ тѣни. Заботиться мнѣ было не о чемъ. Я могъ отдаваться этой взволнованной стихіи, жить ея настроеніемъ. Толпа меня перебрасывала съ одной стороны площади на другую. Вездѣ толковали о сегодняшнемъ торжествѣ. Имена Маріано и Касадо (второго торero) у всѣхъ на устахъ. Въ этотъ день они были народными героями. Забыты и случившееся вчера паденіе министерства, и обнаруженнѣе неискромною печатью воровство восьмидесяти миллионовъ народныхъ денегъ, совершеннное дворомъ, и попытки Англіи купить у податливой королевы-регентши, продающей Испанію оптомъ и въ розницу, Балеарскіе острова, и дуэль герцога Медина Сидонія съ заѣзжимъ принцемъ. Всё стушевалось передъ гигантскимъ событиемъ этого воскресенія, когда шесть великолѣпныхъ, доставленныхъ изъ Севиллы андалузскихъ быковъ, воспитанныхъ для боя (toros bravos)

въ первоклассныхъ загонахъ маркиза Гандулль, должны будуть пасть подъ шпагами народныхъ героевъ. Загодя люди были возбуждены. Даже нищіе, и тѣ выпрашивали сегодня «на билетъ». Они тоже собирались проковылять туда вмѣстѣ съ толпою. Спокойные, славящіеся своей *much flema*, кастильцы жестикутировали, спорили, пѣтухами набрасывались одни на другихъ. Горячились по малѣйшему поводу. Съ налитыми кровью глазами показывали различные, оставшіеся въ народной памяти удары знаменитыхъ Фраскуэло и Лагартихо. Расходились и снова сходились, призывали всѣхъ чертей и Мадонну, ругались и чуть не плакали въ одно и то же время. Пьянили отъ крика, швыряли куда-то плоскодонныя низенькія съ инициалами и плоскими полями шляпы, подымали кулаки въ воздухъ, приходили въ отчаяніе, умирали и снова воскресали. Я слышалъ фамилію Александры Порфириевны. Ее повторяли всѣ.

Толпа уже хорошо знала, что Маріано первого быка посвящаетъ ей. Газеты проболтались объ этомъ и, кстати, напечатали ея портреты. Я мысленно подсчитывалъ, во что это обошлось артисткѣ. Вѣдь сегодня же редакціи пошлютъ ей счета, гдѣ будетъ таксировано мѣсто, занятое ея портретомъ, и красочный восторгъ авторовъ ея біографій. Передъ нашимъ отелемъ стояли досужіе люди. Они хотѣли сдѣлать овацию «прекрасной блондинкѣ съ бюстомъ богини и глазами убійцы», когда та покажется у сѣя въ окнѣ. Я всмотрѣлся въ нихъ и узналъ вчерашній своеобразный «оркестръ» дона Игнасіо Хиля. Это была та же клака, дѣлавшая овацию по заказу, хорошо спретованиую и обдуманную ея геніальнымъ *jefe*! Видно было, что моя соотечественница рѣшила забыть на сегодня свое московское: «попо-дешевше!»

Носила-носила меня толпа и выкинула, наконецъ, на Calle Alcala — этотъ Невскій Мадрида. Я только сейчасъ вспомнилъ, что еще не пилъ кофе. Передо мною были громадныя зеркальныя окна, за которыми всѣ столики уже занимались торопившимися людьми. Подходили, наскоро глотали, не прекращая возбужденаго спора, свою чашку и опять выбирались на громадную и шумную улицу, обставленную такими домами, о которыхъ долго еще придется только мечтать Петербургу! Кафе, куда зашелъ я, было особенно въ модѣ. Его называли «рынкомъ невѣсть». Предпримчивый хозяинъ замѣнилъ мужскую прислугу женской, пригласивъ бѣдныхъ дѣвушекъ, кончившихъ гимназію и выросшихъ въ почтенныхъ семьяхъ. Поведеніе этихъ, въ большинствѣ хорошенъкихъ мадриленокъ было безукоризненно. Даже здѣшніе сплетники не смѣли ничего сказать о нихъ. Мамаши приводили сюда ихъ каждое утро и каждый вечеръ являлись къ дверямъ, для того, чтобы вернуть усталую «невѣсту» къ ея родному очагу подъ своимъ конвоемъ. У каждой былъ «шовіо» — женихъ, и она разговаривала только съ нимъ и даже не разговаривала, а роняла, опустивъ длинныя черныя рѣсицы на блѣдныя щеки, два слова, отъ которыхъ она вспыхивалъ, какъ порохъ, и отходилъ. Все, что она получала шло на ея приданое. Никто изъ посѣщавшей кафе молодежи не смѣлъ позволить съ ними ни нескромнаго жеста, ни вольнаго слова. Это были дѣвушки «тиу nobles тиу bonitas», а слѣдовательно, обращаться съ ними полагалось, какъ съ герцогинями. Зато сотни взглядовъ, горѣвшихъ страстью и увлеченіемъ, были на нихъ устремлены цѣлый день. Бѣдныя, нѣжныя невѣсты худѣли и сами томились въ горячей атмосферѣ влюблennости, невысказанныхъ желаній и безмолвныхъ признаній. Если кто-нибудь изъ непосвященныхъ, большею ча-

стью пріѣзжихъ, позволялъ себѣ съ ними «шутку» не особенно почтительного свойства или слишкомъ явно высказывалъ свой восторгъ, публика орала на него «que barbaridad!», называла его певѣжей и выгоняла вонъ. Но сегодня и это высоконравственное учрежденіе было неузнаваемо. «Дѣвшкі» возбуждению болтали и жестикулировали уже не только съ новіями, но и съ посторонними. Вѣдь и они собирались на corrida, такъ какъ хозяинъ заявилъ, что на пять часовъ любимаго народнаго зрѣлища онъ запираетъ свой «домъ». Невѣсты въ яркихъ платьяхъ (на сегодня весь Мадридъ измѣнилъ черному цвѣту!), смуглыя головки и тонкія плечики были прикрыты сквознымъ кружевомъ мантілій, а въ смольныхъ волосахъ алѣли пышныя розы. Вѣера работали вовсю. Вѣрь въ такихъ случаяхъ — виѣшній истолкователь настроенія. Слова передаютъ мысль, а вѣрь — настроеніе. По его колыханію, шелесту, щелканію, съ какимъ онъ въ нервной рукѣ свертывался и развертывался, можно было читать бурю, кипѣвшую въ взволнованной душѣ по обыкновенію сумрачной и молчаливой дѣвшкі. Негодовали даже на Маріано. Что въ Мадридѣ мало своихъ красавицъ: «guapas e formosas?» Слѣдовало бы ихъ осчастливить, а не выбирать для этого какую-то иностранку! И тутъ всѣ говорили объ Александрѣ Порфириевнѣ и по пути смеялись надъ Лаборанти. Когда я вышелъ, Алкала была полна толпами молодежи, щеголявшей ради сегодняшняго дня въ новомодномъ костюмѣ «чулъ». Приказчики, работники такъ или иначе нарядились всѣ, для воскреснаго боя быковъ. Для этого надо быть сложеннымъ, какъ сложены испанцы. Напялить это на какіе-нибудь несуразные животы будетъ смѣшно, и только. Стройная талія, открытая грудь, обтягивающая станъ куртка и широкія, собранныя у щи-

колотки, шаровары показывали, что называется, товарь лицомъ. Къ полудню по улицамъ коляски съ красавицами, торопившимися на арену. Нѣкоторыя щеголяли наряднымъ платьемъ, всѣ были въ сѣтлыхъ цвѣтахъ и въ мантильяхъ — и, Боже мой, какъ выиграли головки, которые въ будни уродуютъ парижскія шляпы! Толпа павстрѣчу имъ кричала «vive!» А когда вдали показались тореро, въ распашныхъ серебромъ и золотомъ курткахъ, верхами, а нѣкоторые въ открытыхъ экипажахъ, этихъ будущихъ тріумфаторовъ понесли чуть не на плечахъ. Они хранили гордый видъ, какъ это и подобаетъ героямъ дня, зато хорошенъкія головки мадриленокъ привѣтливо кивали, пересмѣивались съ молодыми людьми, подхватывали на лету цвѣты, которые имъ кидали въ коляски.

Свѣтлое, праздничное, радостное настроеніе шло, все болѣе подымаясь и подымаясь. Скоро показались коляски аристократіи. Народъ аплодировалъ знаменитымъ гербамъ, значущимся на многихъ страницахъ испанской исторіи. Вслухъ называли герцогинь, принцессы, графини. Этимъ не швыряли цвѣтовъ, но передъ тѣми, за кѣмъ былъ признанъ гораздо высшій титулъ красавицы, незнакомые люди приподымали шляпы. И дѣйствительно, часто можно было подумать, что въ открытыхъ экипажахъ не-дамы, а букеты розъ, такъ были хороши эти головки, привѣтливо улыбавшіяся восторженнымъ зрителямъ. Крики и аплодисменты разразились настоящимъ пожарищемъ, когда въ сплошную толпу на Алкаль врѣзывались коляски, запряженныя по старо-кастильскому обычая мулами, украшенными букетами и лентами. Мулы гремѣли тысячами бубенчиковъ, пестрые кучера щелкали вверху бичами, быстрые запате бѣжали впереди, выкрикивая что-то неясное, слившееся съ общимъ гуломъ... Такія упряжки цу-

гомъ, точно нитка въ ушко, плотно пронизываются въ массу неуспѣвающихъ посторониться людей, на что здѣсь никто въ претензіи не бываетъ. Небо очистилось, и бездонная святая лазурь его, точно со всѣмъ здѣсь, внизу, радуясь, сіяла надъ проснувшейся отъ спячки страною. Деревья на Прадо въ пышной зелени, въ счастливомъ блескѣ великолѣпнаго дня. Фонтаны Цибелы вскидывали въ высоту стремительно и шумно брильянтовую подъ солнцемъ воду, и бѣлая богиня, казалось, тоже улыбается своему народу... Далѣе всѣ эти Прадо, Буэнъ Ретиро, обыкновенно такіе мечтательно тихіе и задумчивые, теперь нѣжно окутывали благодатною тѣнью пѣшеходовъ, стремившихся мимо... Диличансы, омнибусы со всѣхъ сторонъ неслись сюда же, точно корабли въ бурю, качаясь въ шумныхъ толпахъ... Можно было подумать, что сегодня дома никто не остался. Сотни тысячъ наполнили эти аллеи, и другія сотни тысячъ текли сюда по Монтерѣ, Херонимо, Ареналю, Алкаль и другимъ улицамъ изъ самыхъ отдаленныхъ закоулковъ Мадрида. Оставленные безъ призора квартиры, магазины, банки уцѣлѣли только потому, что почтенное, пользующееся здѣсь правомъ гражданства братство Ринконетовъ и Кортадильо, этихъ классическихъ испанскихъ воровъ, прославленныхъ еще Сервантесомъ, сегодня тоже праздновало и, какъ всѣ честно и доблестно потрудившіеся въ шесть будничныхъ дней ихъ сограждане, шли на общее торжество. Когда одного изъ мадридскихъ рыцарей «кошелька или жизни» обвиняли въ кражѣ брильянтовъ у ювелира англичанина, случившейся въ воскресенье, воръ съ негодованіемъ отвѣтилъ: «Какой же уважающій себя кастилецъ добрыхъ нравовъ и старого христіанского рода будетъ работать въ воскресенье, когда всѣ порядочные люди сидятъ на ступеняхъ

арены, любуясь боемъ быковъ. Въ такіе дни хоро-
шій испанскій обычай можетъ нарушитьъ только
гнусный иностранецъ!» Что и подтвердилось по-
томъ обстоятельствами этого дѣла.

XIII.

На окраинѣ города, среди пустырей, показался круглый, зубчатый, изъ красныхъ камней сложен-
ный колизей. Люди бѣжали къ многочисленнымъ воротамъ, въ которыхъ уже стояла конная и пѣшая стража. Еще до открытия спектакля было далеко, но здѣсь любители приходятъ загодя. Надо увидѣть всѣхъ пріезжающихъ, пожать руку хоть какому-нибудь пикадору или бандерильеро, потому что Маріано и Касадо сегодня идолы и изъ своихъ колясокъ ни на кого не смотрятъ. Вѣдь не пришло бы въ голову древнему греку протянуть руку мраморному Зевсу въ торжественный часъ священнодѣйствія! Да Зевсъ, какъ и Касадо, даже и не замѣтилъ бы такого кощунства. Величественные пика-
доры подъѣзжаютъ, совсѣмъ одѣтые по ритуалу. Они на высокихъ сѣдлахъ, ноги въ желѣзныхъ сапогахъ — никакой рогъ не пробьетъ. Носки вдвинуты въ чудовищныя стремена... Мальчишки ка-
рабкаются къ нимъ. Хоть пальцемъ дотронуться до «сагоche» (копій), которая тѣ держать въ рукахъ... Улыбнется пикадоръ малышу, и малышъ на цѣлую недѣлю счастливъ; ему есть о чёмъ разсказывать дома, на улицѣ, въ школѣ, потому что съ той поры, какъ ребенокъ начинаетъ говорить, онъ уже знаетъ, что такое пикадоръ.

Я сталъ тоже въ воротахъ «моего» отдѣленія. Въ билетахъ указано, че́ре́зъ какія ворота вамъ входить, и потому никакихъ недоразумѣній быть не можетъ. Мимо двигались сотни людей. Кто попроще, по ста-родавнему обычаю, несъ съ собою бутылки съ ман-санильей, которая разопьется здѣсь же въ честь «побѣдителя» — быка или тореро, все равно. У дру-гихъ боковые карманы переполнены сигарами *rigos*, какъ для себя, такъ и для того, чтобы ~~бросать~~ ихъ на арену поправившемуся «diestro». Женщины шли съ большими букетами цвѣтовъ, пряча въ ихъ роси-стый и благоуханный холодокъ разгоряченныя лица. Всѣ *aficionados* — «свои люди» покупали разграф-ленные листы съ отмѣтками наверху. Сюда запи-сывались удары того или другого характера, удач-ные и неудачные, со всѣми оттѣнками, строго ука-занными въ «сводѣ законовъ тавромахіи». Подъ вы-сокими и величавыми арками наружной галлереи арены стоялъ стихійный шумъ. Можно было ду-мать, что громадная рѣка прорвала плотины и въ нѣсколькихъ мѣстахъ льется сюда грозными водами, торжествующими свое освобожденіе отъ нагромож-денныхъ человѣкомъ оковъ. Скоро она задила все здѣсь. Обычная сдержанность кастильцевъ была брошена, какъ негодная дрянь, въ сторону. Незна-комые заговаривали другъ съ другомъ, съ дѣвушка-ми, разница сословій и положеній исчезла. Передъ этимъ народныи празднокъ всѣ оказались рав-ны. Славныя, счастливыя лица. Я думаю, если бы Сервера разбилъ весь американскій флотъ и отстоялъ Кубу, народъ не такъ бы ликовалъ, какъ сегодня. Обмѣнивались сплетнями, какъ поклонами. Ницій хлопалъ по плечамъ герцога, рабочій — миллионера-фабриканта, маленькая портниха, вся въ румянахъ, смѣло обращалась къ строгой дуэньѣ изъ высоко-поставленной семьи. Изъ одного и того же стакана

пили вино и брезгливый членъ мѣстнаго жокей-клуба и потный ремесленникъ, отказывавшій себѣ всю недѣлю въ лишиемъ кускѣ хлѣба, чтобы попасть сюда. Когда вдали послышались неистовые крики, я выбѣжалъ вмѣстѣ съ другими. Въ открытой коляскѣ, торжествующая и радостная,ѣхала Александра Порфириевна. Она сумѣла закутать голову бѣлой сквозной мантильей и на открытыя плечи накинуть филиппинскую шаль, расшитую цвѣтами, которую носять здѣшнія «manolas» и «majas». Это испанцевъ привело въ еще большій восторгъ. Съ нею была сестра, скромная, никогда не заслонявшая артистку... На лицѣ у нашей москвички такъ и читалось: «Ай, да мы! Знай нашихъ. Сторонись народъ, Таганка съ Рогожской выпла!...» Она такъ и лучилась вся, кланяясь вправо и влѣво. Юлій Цезарь на своемъ тріумфѣ, послѣ Гальского похода, могъ бы позавидовать этой «*triple lіjego*», какъ испанцы именуютъ колоратурное сопрано. Она замѣтила меня и улыбнулась на мою приподнятую шляпу по-королевски. Мне такъ и припомнилось Поприщенское: «Сегодня день величайшаго торжества: въ Испаніи есть король, и король этотъ — я!» Не успѣлъ я еще раскланяться съ Александрой Порфириевной, какъ къ тому же входу подкатила Лаборанти. Я долженъ былъ отдать справедливость ей. Она вовсе не смотрѣла проигравшій игру. Точно и не начинала ея. Веселая, тоже вся въ свѣтломъ, и, главное, на ей весь костюмъ былъ испанскій народный, коротенькая юбочка, отдѣланная сѣткой съ помпонами, шитое золотомъ фігаро, широкій шелковый поясъ и тонкая, какъ паутина, мантилья. Это шло ей удивительно. Ея южный типъ, какъ нельзя болѣе подходилъ къ наряду, стройныя и правильныя ноги въ ажурныхъ чулкахъ дразнили взглѣдъ, а на выѣздѣ она не поскупилась.

Коляска примадонны была запряжена по андалузски цугомъ. Тысячи бантиковъ вплетались въ гриву, въ хвосты коней, сбруя звенѣла массой серебряныхъ колокольчиковъ... «У нея есть мужество!» хвалили ее завсегдатай боя быковъ. Въ воротахъ она встрѣтилась съ Александрой Порфириевной. Двѣ соперницы такъ сладко и радостно улыбались одна другой, такъ крѣпко и долго жали руки, что я невольно сообразилъ: «Съ какимъ бы удовольствиемъ на мѣстѣ и мгновенно онъ откусили бы носы одна другой». Александра Порфириевна, та, все-таки, не чувствовала въ душѣ настоящей злобы, даже въ эту минуту, пожалуй, любила Лаборанти. Еще бы, вѣдь она, Александра Порфириевна, была побѣдительницей, а синьора Лаборанти — побѣженной.

— Я пріѣхала полюбоваться на ваше торжество!
— великолушничала итальянка.

— Какое? — притворялась наша москвичка непонимающей.

Та замялась.

— Донъ Луисъ вчера у меня обѣдалъ и все мнѣ рассказалъ.

— Ахъ, это такие пустяки!

— Ну, нѣть, знаете, въ нашей карьерѣ... Это большой козырь...

И Лаборанти вдругъ обняла и поцѣловала Александру Порфириевну...

Почему-то мнѣ вспомнилось: «Не лобзаніемъ ли предаешь мя, Іуда?»

Я хорошо зналъ мадридскую арену.

Высокими, полными народа галлереями я едва-едва пробрался въ *capilla*. Въ каждомъ испанскомъ «колизѣ» для быковъ, — колизѣ, потому что здѣсь иначе и не хотятъ называть эти монументальные постройки, оставленные Римомъ въ наслѣдіе его вѣрной Иберіи, — есть часовня. Она устроена внизу, около тѣхъ воротъ, сквозь которыхъ квадрилья, т.-е., блестящая труппа матадоровъ, выходитъ на роковой кругъ. Въ часовнѣ — дѣйствующія лица, начиная съ тореро и кончая послѣднимъ чулосомъ, жарко и горячо молятся передъ боемъ. Я зналъ, что всѣхъ ихъ найду тамъ, и тихо постучался въ двери. Онъ пріотворились, служка хотѣть было ихъ припереть, да я во-время показалъ ему «дуро» (пять песетъ). Ни одна лакейская душа въ гордой Кастиліи не можетъ устоять противу такого паспарту, и я вошелъ въ полуумракъ обширнаго подъ высокимъ сводомъ каземата съ голыми стѣнами... Окно вверху, и оттуда золотой теплый свѣтъ широко ложится на яркія эмали и серебро алтаря передъ образомъ Аточской Божіей Матери. Тутъ было прохладно. Алтарь такъ и горѣлъ въ сумеркахъ, а ликъ Пречистой, казалось, выступалъ изъ блестящей рамы. Между нею и собравшимся здѣсь народомъ на сребряномъ цоколѣ стояло изображеніе той же Дѣвы, но уже вырѣзанное изъ дерева и одѣтое въ пышно расшитую золотомъ парчу. Марія держала младенца Іисуса на рукахъ, точно подавала его склонившимъ колѣна *diestros*. Они всѣ были здѣсь. Я сейчасъ же узналъ своего любимца Касадо, свободнаго мыслителя донъ Луиса Маріано, бандарильєро, пика-доровъ, чулосовъ... На меня никто не обратилъ вниманія. Слишкомъ ушли въ молитву. Ожидавшій

ихъ бой — не шутка. Это игра, но игра со смертью, и если римскіе гладіаторы передъ зрѣлищемъ приносили жертвы богамъ, то и донъ Луисъ и Касадо со своими квадрильями, несомнѣнно, теперь давали всевозможные обѣты, умоляя о небесномъ благословеніи на предстоящее дѣло... Я видѣлъ тореро въ такія минуты крестами лежащихъ на плитахъ капиљи, а ихъ любовницъ, плачущихъ передъ Мадонной... Еще бы, на моихъ глазахъ были растерзаны рогами быка Надиљя, Домингесъ, Караанча. На страшную высоту взброшенъ и тѣми же рогами подхваченъ, такъ что они проткнули ему животъ чуть не насквозь, Рафаэлита. Выкинутъ изъ сѣдла пикадоръ Сенъосъ, разбившій себѣ черепъ о барьеръ арены. Блѣдныя уста шептали. Касадо цѣловалъ край парчеваго платья Богородицы, донъ Луисъ прижался лбомъ къ ея пьедесталу... Какъ вошелъ, такъ я и вышелъ незамѣченнымъ... Около былъ другой казематъ, тамъ стояли кровати, носилки, и находилось все, что необходимо для операций. Тутъ постоянно во время боя хирургъ, и вовсе ужъ не такъ рѣдко ему приходилось зашивать разорванныхъ и подавать первую помощь жестоко ушибленнымъ людямъ...

Я зналъ свое мѣсто на каменныхъ ступеняхъ *barrera*. Я былъ весь въ тѣни, зато противоположную сторону за ареной такъ и жгло солнце. Вся *plaza de toros* уже полна. До начала нѣсколько минутъ... Тутъ собралось не менѣе пятнадцати тысячъ зрителей — на половину женщинъ и дѣтей. Нервно ходили въ рукахъ пестрые вѣера. Казалось, что откуда-то слетались сюда безчисленные рои ярко оперенныхъ птицъ и, уцѣпившись за что попало, быстро-быстро колышутъ крыльями. Возбужденный, опьяняющій гулъ носился кругомъ. Самыхъ равнодушныхъ приподымало ожиданіе страшаго,

неожиданного, опасного... Глаза горяли, груди дышали высоко. Громадная толпа была неописуема... Всё сидели на местах, а между тем стихийное движение чувствовалось, и вы угадывали: ни въ чьей душѣ въ эти минуты нѣть покоя... Пестрые шелковые платки женщинъ, ихъ мантильи, цветы, ярко горящіе глаза, крики продавцовъ воды, апельсиновъ, сушеныхъ раковыхъ шеекъ, миндаля, сладкаго гороха, шоколада, асукарильо — зазывы газетчиковъ, сбывавшихъ послѣдніе номера изданій, посвященныхъ бою быковъ, веселый смѣхъ дѣтей, сотнями набиравшихся вездѣ, куда только они могли просунуть кудрявые головки, глазастыхъ, румяныхъ, шопотъ красивой манолы рядомъ, скора двухъ завсегдатаевъ, поклонниковъ разныхъ тореро, сизые дымки сигаръ, щелканье кастањеть — все это кружило вихремъ. На первыхъ порахъ трудно было прійти въ себя, и только надъ ареной чистое, зпойное небо оставалось такимъ же безмятежнымъ, прекраснымъ и равнодушнымъ ко всему, что творится на грѣшной, суетливой землѣ, подъ его святою лазурью.

Я оглянулся... Вонъ ложа Александры Порфириевны. Она сѣла на виду. Какъ разъ надо мной... Шаговъ сорокъ дальше — ложа ея соперницы, Лаборанти. Та держится скромно, въ глубинѣ. Ей не зачѣмъ выставляться. Сегодня она не играетъ никакой роли. Я всматривался въ ея смуглое лицо, и оно мнѣ начинаетъ казаться милымъ. Въ самомъ дѣлѣ, или она хорошо владѣеть собой, или действительно благородная женщина, чужда и злобѣ и зависти. Насколько выигрываетъ она, настолько проигрываетъ наша соотечественница — стараниемъ обратить на себя общее вниманіе, подать себя на ладони этой и безъ того уже настроенной публикѣ. Вонъ королевская ложа. Какіе-то

инфанты явились и съели по сторонамъ. Ожидаютъ регентшу съ сыномъ. Придворные стѣлпились у дверей и заглядываютъ туда, не прѣхала ли ея величество. Напротивъ, черезъ арену, муниципальная ложь съ отцами города въ черныхъ шляпахъ, въ шарфахъ национальныхъ цвѣтовъ. Все «общество» Мадрида здѣсь. Балльный костюмъ для дамъ обязателенъ, и я любуюсь удивительными плечами, руками и шеями. А какія великолѣпныя головки! Герцогиня Монтихо, ставшая потомъ императрицей французовъ, — только общій типъ. Такихъ здѣсь много. Каждая коррида выставка красоты. Въ Севильѣ еще болѣе, чѣмъ здѣсь, гдѣ все-таки много пришлага, съвернаго, грубаго или кажущагося такимъ рядомъ съ чистокровными испанками. Чу! Что-то случилось... Въ муниципальной ложѣ отцы города сняли шляпы, музыка заиграла королевскій маршъ... Въ царской ложѣ показалась ея величество... Публика зааплодировала было, вдругъ точно рукоплесканія ножомъ обрѣзали. Смолкло. Лица нахмурились. Всѣ недовольны.

— Что случилось?... — спрашиваю.

Гдѣ-то засвистали... Зашикали... Гулъ негодованія прокатился по аренѣ.

— Развѣ на видите? Эта австріячка опять прѣхала въ черномъ платьѣ. Она какъ будто плюетъ на наши обычай... — И говорившій вдругъ вытащилъ изъ кармана ключъ и такъ свистнулъ, что я вздрогнулъ.

Королева притворялась, что не замѣчаетъ этого. Она улыбалась, разговаривая съ Кастеларомъ... Донъ Эмиліо, любившій ее, какъ женщину, наклонился къ ней и весь блѣдный шепталъ что-то. Я въ бинокль замѣтилъ, что Марія-Христина плохо владѣетъ собою. Губы ея нервно вздрагивали, руки рвали что-то бѣлое, должно-быть, платокъ. Она

сказала иль сколько словъ хорошенькой девушки около. Донна Евлалія тотчасъ пересѣла впередъ, и мадридскій плебсъ успокоился. Инфанта была одѣта, какъ полагается, и смѣло смотрѣла на тысячеголоваго звѣря, ощетинившагося было на королевскую ложу.

— Королева-мать погубила Испанію. Она ограбила насъ... И при всякомъ случаѣ даетъ намъ чувствовать, что мы ей чужды, странны, смѣшны... Она довела насъ до позорнаго мира съ Америкой... Мы забыли, паконецъ, что имѣемъ дѣло съ дамой. А это много! — счелъ нужнымъ оправдаться передо мною только-что свиставшій сосѣдъ.

Потомъ, точно вспомнивъ, что мы не знакомы, онъ предложилъ мнѣ папиросу. Въ Испаніи это считается представлениемъ. Послѣ вы разговариваете, будто чуть не каждый день видитесь съ «первымъ встрѣчнымъ». Но вотъ, какъ по сигналу, крикливые и нетерпѣливые люди замерли. На аренѣ тихо, и только музыка продолжала играть что-то никому ненужное и вовсе никого не интересовавшее... Изъ арки напротивъ два альгавизла ворхами, въ средневѣковыхъ черныхъ мантіяхъ и черныхъ беретахъ. Они, медленно обѣхавъ кругъ арены, приблизились къ «президенсі», т.-е. ложѣ, занятой «отцами города», приподняли береты... Толстый, въ трехцвѣтномъ шарфѣ, пузырь, старавшійся быть въ эту минуту величественнымъ, ибо онъ представлялъ собою весь этотъ Мадридъ, «ближайшій къ небу», всталъ и швырнуль всадникамъ ключи... Альгавизлы поймали ихъ на лесту, закрылись и двинулись къ воротамъ, замыкавшимъ входъ арены. Плебсъ острѣль на ихъ счетъ. Тутъ до такой степени ненавидятъ полицію, что даже этихъ дѣйствующихъ лицъ квадрильи, только сохранившихъ

старое пазваніе, съ «солнечной» стороны встрѣтили залпомъ апельсиновыхъ корокъ. Слуги бросились и подобрали ихъ. На такой коркѣ легко споткнуться... Минута ожиданія — и вдругъ арена разомкнулась... Въ разрывѣ ея, точно миражъ, показалось яркое, пестрое, южно-красивое, т.-е. не скромное, а наглое, ликующее цвѣтами, золотомъ, освѣщеніемъ, выставляющееся показъ, требующее удивленія и восторга.

Сколько разъ я ни видѣлъ этого первого явленія испанской народной трагедіи, оно всегда дѣйствовало на меня непобѣдимо. Нужно здѣшнее солнце, небо, необходимы десятка полтора тысячъ зрителей, вдругъ выхваченныхъ изъ дѣйствительности и унесенныхъ въ царство сказокъ, вся рамка пышной арены, живущая преувеличенно, первно, такъ и сгорающая жаждой исожиданнаго, чтобы представить себѣ эту единственную въ мірѣ феерію. Безчисленныя наличныя скамьи, идущія снизу, Богъ знаетъ, на который этажъ, гдѣ онѣ, точно живой гирляндой, очерчены сплошной линіей ложь, заняты народомъ, такъ что ни одного пробѣла, пятна, пустого мѣста неТЬ въ этомъ широкомъ кольцѣ, верхній рубецъ котораго ярко вырѣзывается на небесной лазури. Десятки тысячъ глазъ устремлены на одно, на эти ворота, изъ которыхъ стройно на пустой желтый кругъ арены идутъ теперь, сверкая золотомъ, серебромъ, каменями, красавцы знаменитой квадрильи... Именно красавцы! Впереди, далеко впереди, выѣхали и стали по сторонамъ черные альгавазилы. Донъ Луисъ былъ въ зеленомъ съ золотомъ, Касадо — въ розовомъ съ серебромъ. Оба идеально сложенные, щеголяющіе тugo затянутыми формами. Движенія ихъ смѣлы, свободны, легки... Костюмъ способенъ вскружить голову непривычному

художнику-колористу. Сколько на немъ эффектовъ, освѣщенія, переливовъ, тоновъ. Шитые золотомъ и серебромъ плащи накинуты на широкія плечи небрежно и, точно чудомъ, держатся на нихъ. Сверкаетъ широкій поясъ, туго охватившій тонкую талію. Сквозь шелковый чулокъ видна удивительная лѣпка поги. За ними въ такихъ же, стоящихъ цѣлое состояніе костюмахъ — восемь или десять бандерильеро — почти юноши, часто безусые, гордые, съ отважными и наивными лицами, въ серебрѣ одни, въ золотѣ другіе, въ синемъ, красномъ, желтомъ, и все это развѣвается и лучится, и сверкаетъ передъ вами... За ними капеадоры и, точно движущіеся монументы, грузные всадники въ желѣзной обуви съ «кароче» въ рукахъ... Гармонично, увѣренно идетъ на середину арены эта квадрилья — ни одна балетная труппа не поразить вѣсть такимъ благородствомъ и красотой движенія — подъ перезвонъ бубенчиковъ. А позади мулы съ перемычками, назначеніе которыхъ захватить за рога убитаго быка и быстро вынести его съ арены.... Мулы — букеты цвѣтовъ. Ленты и розы вплетены имъ въ хвости и гривы, надѣтъ теменемъ колышатся султаны изъ страусовыхъ перьевъ, хребты покрыты красною сѣткой съ пышными помпонами... Я думаю, римскій демосъ не встрѣчалъ такъ восторженіе своихъ героевъ, какъ живое кольцо мадридской арены современныхъ гладіаторовъ. Въ народномъ зрѣлищѣ боя быковъ выходъ квадрильи — самый красивый моментъ. Здѣшнія красавицы дурѣютъ отъ этого и влюбляются въ тореро. Зрители видятъ въ нихъ своихъ богатырей и витязей. Думаю, что и Александра Порфириевна со всею ея московской выдержанкой, сметкой «себѣ на умъ» теперь душой и тѣломъ мысленно принадлежала донъ Луису. По крайней мѣрѣ, она вся перекинулась за перила ложи — будь у нея крылья,

такъ бы и ринулась въ бездну подъ нею... Я видѣлъ въ бинокль, какъ у нея горѣли глаза, и густой румянецъ такъ и заливалъ возбужденное, восторженное лицо. Она была удивительно хороша въ эту минуту, и едва ли не всѣ кругомъ женщины завидовали ей, а мужчины — донъ Луису. Ни одинъ испанецъ вѣдь не повѣрилъ бы, что она могла отказать, а онъ не воспользоваться. Въ самой наглости — выставкѣ того, чему слѣдовало бы оставаться тайной, — не было опять-таки подъ этимъ преувеличеннѣмъ и теплымъ солицемъ ничего оскорбительнаго, противнаго, трѣжущаго глаза. Если бы я хоть тому же сѣду сказалъ, что она, эта сѣверная красавица, не пустила къ себѣ Маріано, заперла ему двери подъ самыемъ носомъ, завсегдатай арены и страстный поклонникъ донъ Луиса счелъ бы меня величайшимъ лжецомъ на свѣтѣ или ее нелѣпѣйшей изъ дуръ. Квадрилья вѣромъ разбросалась по аренѣ, отойдя къ ея барьеру. Бандерильеро и эспады снимали съ себя сверкающіе золотомъ и серебромъ плащи и бросали ихъ за ограду, друзьямъ на сохраненіе, тѣ краснѣли отъ удовольствія и удовлетвореннаго самолюбія. Это здѣсь большая честь, и мой сосѣдъ, получивъ такую «manta» отъ самого донъ Луиса, напыжился и распустилъ хвостъ. Я думаю, въ эту минуту, по-его мнѣнію, вниманіе всѣхъ пяти частей свѣта было обращено именно на него, хранителя священной хоругви... Донъ Луисъ и мнѣ кивнулъ, какъ знакомому, и я сейчасъ же выросъ въ глазахъ всѣхъ меня окружавшихъ.

— Вы замѣтили, донъ Луисъ — онъ вѣдь республиканецъ!

И на мой вопросительный взглядъ, сосѣдъ пояснилъ:

— Какъ же, проходя мимо королевской ложи, вся квадрилья приподняла шляпы, кромъ Маріано.

— Ну, знаете, здѣсь это обходится дешево. Пожалуй, надо больше мужества поклониться королевѣ, чѣмъ не замѣтить ея! Вы бы попробовали въ другихъ благословенныхъ отечествахъ такъ же!...

XV.

Рѣзко и звонко прозвучали трубы... Пикадоры подтянулись на коняхъ. Чуло подошли къ нимъ и поправили повязки, покрывавшія тотъ глазъ лошади, которымъ она обращена къ быку. Я именно теперь обратилъ вниманіе на этихъ коней. Боже! Друзья моего дѣтства — благородные Россинанты, на какую участъ обречены вы въ современной Испаніи! Ребра выступили, шеи тонки, и весь конь какой-то плоскій, точно изъ картона вырѣзанъ. Кажется, станетъ головою къ вамъ, и вы его не различите, въ черточку весь вытянется. По животу шрамы. Должно-быть, побывалъ ужъ здѣсь въ прошлое воскресеніе, и его зашили до сегодняшняго. Товарищи коня славнаго Ламанчскаго гидалго, какъ мало васъ цѣнять неблагородные потомки... Опять рѣзкій звукъ трубы... Ворота коррала распахнулись, и оттуда стремительно, именно вылетѣлъ, а не выбѣжалъ, великолѣпный быкъ, громадный, съ рогами, грозно направленными впередъ и большой широкой кокардой на боку, длинныя ленты которой цвѣтовъ его владѣльца и воспитателя, желтыя съ зеленымъ, далеко откидывались назадъ. Ее сверху въ самое мгновеніе выхода этого четвероногаго богатыря

воткнуль ему въ кожу ловкій чуло. Что это за животная красота и мощь! Шея — земной шаръ поставь, удержить, мускулы такъ и ходятъ подъ черной нервной кожей, изо рта пѣна падаетъ на желтый песокъ арены... Весь лоснится, глаза въ огнѣ... Выскочилъ на середину, остановился, ослѣпленный свѣтомъ — вечеръ и ночь провелъ въ страшной тьмѣ и злился — роетъ землю... Повелъ мордой вдоль арены и вдругъ, замѣтивъ ближайшаго Россинанта, наклонилъ голову и, подбѣжавъ къ нему, по самый край воизилъ рога ему въ грудь... Дернуль вверхъ и поднялъ и Россинанта и всадника, хотя пикадоръ во всю силу упирается острымъ концомъ длиннаго «кароче» въ его плотно натянутую шкуру... Еще одинъ взмахъ могучей шеи — и лошадь выброшена на песокъ, изъ ея пробитой груди фонтаномъ бьетъ кровь... Пикадора подхватили на руки подоспѣвшіе люди. Лѣвая нога его подъ копемъ. Едва высвободили ее оттуда... Несчастная лошадь дѣластъ тщетныя усилія подняться... И скоро замираетъ, только заднія ноги ея судорожно вздрагиваютъ... Юркій черномазый чуло подбѣгаєтъ и однимъ ударомъ въ темя кончаетъ страданія друга моего дѣтства. Теперь этотъ конь на желтомъ пескѣ арены точно нарисованъ... Никакого рельефа. Пикадора уводятъ подъ руки... Публика свищетъ. Какъ онъ не остановилъ быка, не принялъ его ловчѣя на свое копье и не откинуль въ сторону. Изуродованный всадникъ, вися на плечахъ товарища, горячо и перво что-то объясняетъ свидущимъ, но его не слушаютъ. Всѣ глаза опять прикованы къ быку, по черной лоснящейся шерсти которого бѣгутъ алые, рѣзко выступающія струи крови.

— Посмотрите, какъ донъ Луисъ изучаетъ его характеръ! — шепчетъ мой сосѣдъ.

Дѣйствительно, тотъ не сводить глазъ съ противника. Ему сейчасъ придется итти съ нимъ на единоборство, и густыя брови Маріано хмурятся озабоченно.... Я оглядываюсь на Александру Порфириевну; она не сводить съ быка влюбленныхъ глазъ. Еще бы, вѣдь онъ загодя посвященъ ей. Пусть онъ загодя покажется передъ неизбѣжной смертью во всей своей силѣ и отвагѣ, сдѣлаетъ цѣлый рядъ подвиговъ, даже, пожалуй, испроситъ кого-нибудь изъ этихъ стройныхъ, облитыхъ въ золото красавцевъ.... Негрито (такъ зовутъ его) далеко не удовлетворилъ кипящей въ немъ жажды мести и бѣшенства на свое заточеніе, на людей, на самый воздухъ, на всю эту публику, на каждое дыханіе, осмѣливающееся быть на его пути. Вотъ другой Россинантъ. Сѣрий въ яблокахъ.... Быкъ взрылъ песокъ копытами и, какъ стрѣла, наклонивъ рога впередъ, швыркомъ бросился на него. Но никакоръ тамъ былъ искусиѣ. Онъ принялъ его прямо на кароче. Копытъ согнулось въ дугу и откинуло быка. Новыя алые струйки побѣжали по черной кожѣ. Быкъ какъ-то подобрался, перво двинулъ шкурой, сморщилъ громадную шею, и я невольно закрылъ глаза. Конь съ распоротымъ животомъ, припадая, бѣжалъ по аренѣ сослѣпу, а кишкы длинными противными пузырями болтались подъ нимъ, и одна длинная тянулась по песку....

— Какая мерзость!

— Ничего! — успокаивалъ меня сосѣдъ. — Ничего. Это не смертельно. Ему вправить кишкы, зашить шкуру и до слѣдующаго воскресенія поставить въ конюшню....

— Да я не о томъ.... Миѣ лошади жаль.

— Знаете... Коню это доставляетъ удовольствіе....

Я хотѣлъ было сказать: желаю и вамъ такого же!

Къ выпотрошенной лошади подбѣжали чуло и давай ее дубасить палками, направляя къ выходу изъ арены въ конюшню. Несчастная, такъ же вздрагивая задомъ, пошла туда, влача за собой свои ужасныя внутренности.

— Bravo toro! Adelante... Que tesoro!.. — одобряла быка арена.

— Negrito, ole! ..

— Что за чудный быкъ! — бѣсновались женщины, влюбленныя въ эту минуту въ быка-побѣдителя.

— Птичка моя! — замѣтила отъ восторга какая-то мадриленка, такъ и впиваясь въ него горящими глазами.

А птичка въ эту минуту разбѣжался такъ, что перескочилъ черезъ ограду и попалъ за нею въ узкій, шедшій вокругъ арены, коридоръ между оградой и нами, сидѣвшими надъ его рогами на скамьяхъ *baggera*. Чуло и всѣ, кто былъ въ коридорѣ, перебросились на арену. Другіе поперекъ коридора ставили доски и въ самой оградѣ открывали быку выходъ обратно, на круглую площадь боя. Каждый изъ сидящихъ на «баррера» наклонялся, желая дотронуться до свирѣпаго животнаго, пока оно не выскочило опять, куда ему слѣдовало... Чуло мячиками назадъ... Взбѣженный всѣми этими неожиданностями, Негрито замѣтилъ впереди коня, кинулся на него сзади, наклонилъ башку, и вдругъ конь спарахнулся, описалъ хвостомъ кругъ въ воздухѣ и черезъ голову распластался на желтомъ пескѣ, обильно поя его своею кровью. Пикадоръ тяжело ударился грудью объ ограду. Я видѣлъ, какъ его блѣднаго, какъ смерть, уносили отсюда... Аплодисменты ка-

зались раскатами грома. Пятнадцать тысячъ человѣкъ на скамьяхъ и въ ложахъ орали, какъ изстupленные...

— Что, донъ Луисъ... Тебѣ достался быкъ хороший!

— Серьезный противникъ. Съ нимъ придется поработать!

— Главное, что президенты нынче лошадей жалѣютъ... Быку некогда достаточно потерять силу... Больше трехъ не даютъ ему...

И точно мой сосѣдъ накликалъ... Опять рѣзко и звонко заиграли трубы, распахнулись ворота, и въ нихъ уѣхали пикадоры на уцѣлѣвшихъ коняхъ... Мы считали первую лошадь съ пробитою грудью мертвой, вѣдь короткій кинжалъ чуло по самую рукоять вошелъ ей въ затылокъ и вдругъ быку захотѣлось, должно-быть, попробовать: такъ ли это. Онъ мимоходомъ на бѣгу остановился, однимъ движениемъ поднялъ ее на рога и поставилъ на ноги... Россинантъ заболталъ неподвижной до тѣхъ поръ головой, раздвинулъ ноги и остался на нихъ... Быкъ съ негодованіемъ отбросилъ его прочь и вылетѣлъ опять на середину арены, оглядываясь во всѣ стороны налитыми кровью глазами. Донъ Луису захотѣлось показать себя: теперь начинилась отчасти и его роль. Онъ спокойно подошелъ къ бѣшеному животному, сорвалъ съ него кокарду цвѣтовъ маркиза Гандулла и, не оборачиваясь, медленно вернулся назадъ. По всѣмъ скамьямъ точно пробѣжали электрическія искры. Люди вскочили... Орали что-то, швыряли донъ Луису шляпы, сигары, онъ кланялся, благодарилъ, привѣтствовалъ ихъ рукой. На смѣну пикадорамъ выступили пылкіе, стройные и ловкіе бандерильеро... Изъ-подъ шелка видны были му-

скулы ихъ тѣль, головы, гордо поставленныя на красивой шеѣ, обращены теперь не на быка, а къ ихъ новіамъ... На губахъ самоувѣренная улыбка. Одинъ швыриулъ манту вверхъ и, не оглядываясь, пошелъ прямо на быка, злобно рывшаго землю... Его догналъ чуло и подалъ двѣ стрѣлы, обвитыхъ разноцвѣтиою бумагой... Быкъ удивленный — чего де этому пестрому дураку надо? — уставился на него, поднявъ рога. Положеніе было неудобное, и бандерильеро ударили его стрѣлами по пѣнящейся и окровавленной мордѣ. Еще бы, тотъ чуть не всю ее всадилъ въ лошадинный животъ. И она на черномъ тѣль казалась совсѣмъ красной. Быкъ кинулся на человѣка. Человѣкъ отскочилъ вправо. Животное пролетѣло впередъ, сдѣлало кругъ по аренѣ и остановилось далеко, совсѣмъ ужъ глупо глядя на оравшую публику. Бандерильеро погнался за нимъ и, шаговъ съ двадцати, сталъ подскакивать, взмахивая одновремено обѣими стрѣлами вверхъ, вызывая его на себя. Животное смотрѣло-смотрѣло и, послушавшись приглашенія, наклонило голову и кинулось впередъ на зеленаго попугая... Набѣжало, боднуло грозными рогами — я думалъ, что бандерильеро ужо болтается на нихъ, но онъ ловко всадилъ обѣ стрѣлы направо и нальво отъ хребта Негрито и отскочилъ. Быкъ прошелся мимо, первно болтая повисшими на немъ стрѣлами, видимо, недовольный ими. Онъ даже промычалъ что-то въ родѣ: «довольно вамъ дурачиться, свины вы эдакія»...

— Случается, быкъ смирный, — пояснялъ мой соѣдъ, — и тогда бандерильеро вкалываетъ ему не простыя, а огненныя стрѣлы... Всадить, а тамъ вспыхнетъ ракета, ну, и быка обовьетъ пламенемъ.. Онъ весь въ дыму, обожженный... И, по аренѣ пахнетъ жаренымъ. Самая кроткія животныя лвами дѣлаются отъ этого!

•

Быкъ бѣжалъ по аренѣ, встряхивая надѣдавшими ему стрѣлами, а другой бандерильеро, уже красный въ серебрѣ, подходилъ къ нему съ новою парою такихъ же. Но тутъ Негрито взялся за умѣ. Онъ круто обернулся, наклонилъ рога и такъ стремительно кинулся на непріятеля, что несчастный споткнулся и подъ самой мордой освирѣпѣвшаго животнаго проѣхался физіономіей по песку арены. Зрители ахнули. Всѣ вскочили на одно мгновеніе — я думалъ, что въ слѣдующее Негрито взбросить бѣднягу и пойметъ его на рога, такъ, какъ это сдѣлалъ другой торо съ Garcіа, вынесенный съ такой же аренѣ уже безъ дыханія... Но доинъ Луисъ оказался на высотѣ своей славы. Откуда онъ взялся передъ самыми рогами звѣря? Должно-быть, слѣдилъ за нимъ, изучая, и точно изъ земли выросъ въ роковую для его бандерильеро минуту... Онъ взмахнулъ красную кашу, быкъ ударился на плащъ, но плащъ, перелетѣвъ черезъ голову Маріано, оказался уже въ другой его рукѣ. Быкъ туда — и нось къ носу столкнулся съ тореро. Тотъ швырнулся ему свою шапку въ глаза, Негрито растерялся. Каша опять заходила во всѣ стороны. Доинъ Луисъ игралъ ею передъ остервенѣвшимъ быкомъ, заставляя его кидаться во всѣ стороны. Поворачивался къ нему бокомъ, грудью, спинною, становился передъ нимъ на колѣни. Казалось, вотъ-вотъ онъ сейчасъ рухнетъ подъ острыми рогами, но тѣ направлялись въ сторону, и эспада отходилъ безпечно, даже не глядя, что позади дѣлаетъ его страшный врагъ. Публика дошла до величайшаго восторга. Женщины уже стонали; какой-то мальчикъ въ бархатной курткѣ замахалъ шляпой надъ головой и крикнулъ: «Выберемъ его королемъ!» Это даже не вызвало и смѣха... Въ это время несчастный бандерильеро поднялся на ноги и отошелъ въ сторону.

Чуло его вычистили... Онъ что-то крикнулъ Маріано и пошелъ было на быка со своими стрѣлами, но зрители не хотѣли его. Всѣ засвистали, зашикали...

— За что? — спросилъ я у сосѣда.

— Э! Какъ за что... Лучше бы ему быть разорваннымъ рогами, чѣмъ выползти изъ-подъ Негрито, точно свинья въ пескѣ и грязи!

— Донъ Луисъ... Донъ Луисъ! — заорали всѣ.

— Донъ Луисъ... Пусть онъ покажетъ бандерильеро!

— Хотимъ Маріано.

Маріано пожалъ плечами. Взялъ изъ дрожавшихъ рукъ бандерильеро стрѣлы и остановился посреди арены, какъ вкопанный. Быкъ тупо глядѣлъ на эспаду. Донъ Луисъ подскочилъ, взмахнулъ бандерильями. Негрито зарылъ копытомъ землю... Донъ Луисъ пошелъ на него. Гора не хотѣла двигаться къ Магомету — и Магометъ самъ направился къ горѣ. Быкъ промычалъ: тебѣ дѣ чего? Не надоѣла такая глупая игра? Но Маріано передалъ стрѣлы чуло, а самъ схватилъ красную капу и показалъ ее быку. Тотъ ринулся на лоскутъ плаща, считая, что тутъ-то самое страшное и есть, и донъ Луисъ ловко обернулъ ему голову этимъ плащомъ... Быкъ, должно-быть, ослѣпъ отъ бѣшенства. Онъ закрутился на мѣстѣ, прорвалъ красный лоскутъ рогами, едва-едва высвободилъ изъ-подъ него морду и, уже ни о чѣмъ не думая, понесся на донъ Луиса. Эспада ждала его съ бандерильями.... Какъ это случилось, мы ничего не могли понять, но когда быкъ уже почти касался остріями роговъ живота Маріано, тотъ молниеносно всадилъ въ него стрѣлы и спокойно отошелъ, вовсе уже не интересуясь, будеть ли его быкъ преслѣдовать или нѣть.

— Какъ онъ знаетъ душу торо! — восхищался мой сосѣдъ.

— Онъ — бычачій психологъ!..

— Да! Вѣдь вы посмотрите на Негрито. Онъ бѣсится на мѣстѣ, но не идетъ за донъ Луисомъ...

«Президенсіа» подала знакъ...

Запѣли трубы... Бандерильєро ушли со сцены. Теперь на желтомъ кругѣ арены остались только донъ Луисъ и быкъ... Начинался настоящій и послѣдній поединокъ быка съ человѣкомъ...

— Положимъ, Негрито теперь уже ослабѣлъ... Усталъ... — скептически замѣтилъ я.

Но, точно желая меня опровергнуть, Негрито кинулся къ мертвѣй лошади, ткнулся въ нее, перекатилъ ее на другую сторону такъ, что ея четыре ноги мелькнули въ воздухѣ, потомъ онъ набросился на нее, побѣдно швырнуль ее черезъ голову... Разлевѣлся рогами въ ограду, только гулъ пошелъ отъ этого страшнаго удара...

— Вы видите! — торжествовалъ мой сосѣдъ. — Нѣтъ, знаете, быкъ — самое ужасное животное. Въ прошломъ году травили его со львомъ. Ну, что же, онъ и льва выпотрошилъ, какъ лошадь...

Однѣй бандерилью вошелъ на арену и подалъ донъ Луису тонкую и длинную толедскую шпагу... Тотъ нѣсколько разъ повернуль ее въ воздухѣ, точно молнія засверкала изъ его гибкой и вѣрной руки. Должно-быть, пробовалъ, хорошо ли она дѣйствуетъ. Не устала ли кисть, достаточно ли сильны стальныя мускулы и быстро ли выпрямляется локоть. Я воображаю, какъ въ эти минуты билось сердце Александры Порфириевны. Сейчасъ онъ долженъ подойти къ ней и передѣлъ всей этой ареной, въ виду королевы, посвятить быка и свой роковой ударъ про-

стой иностранкѣ. Кто же въ эту минуту быль здѣсь королевой, настоящей, безспорной? И вся публика отыскала ее и уставилась на раскраснѣвшуюся и счастливую артистку тысячами завистливыхъ или радостию, во всякомъ случаѣ, возбужденныхъ глазъ. Она себя разомъ почувствовала центромъ всей этой арены. Сейчасъ ца ней не донъ Луисъ, а она владѣла сердцами обѣихъ Кастилій, Арагона, и, Богъ знаетъ, чего еще. Она наклонилась, точно хотѣла сирятаться, потомъ вдругъ не совладала съ собой и отъ нетерпѣнія встала и выпрямилась...

— *Tiene corazon!* — одобрилъ ее мой сосѣдъ.

— Счастливецъ этотъ донъ Луисъ...

— Везеть ему...

На минуту всѣ замерли... Донъ Луисъ точно зналъ это и длилъ ожиданіе. Еще разъ поигралъ со шпагой, потомъ вытянулъ ее, пропоролъ капу и, держа ее на вѣсу, направился къ памъ. Иллюзія была такъ сильна, что мнѣ казалось, я слышу, какъ бьется сердце Александры Порфириевны. Вѣрнѣе всего, что билось мое... Маріано подходилъ медленно, красиво, уверенно... Александра Порфириевна протянула ему руки... Онъ взглянулъ на нее, улыбнулся и — я такъ и ахнулъ. Точно у меня въ груди что-то оборвалось... Что это, что это?.. Александра Порфириевна — въ своей ложѣ позади. Донъ Луисъ идетъ дальше... останавливается передъ синьорой Лаборанти... Снимаетъ шляпу, кидаетъ ее вверхъ... Гулъ процесся по всей аренѣ, точно эмъей пробѣжалъ по всѣмъ ея скамьямъ и замеръ... Зрители тоже были поражены...

— Донья Эльвира!..

Голосъ эспады звучалъ, какъ сталь, рѣзко и звонко.

— Донья Эльвира...

Онъ низко поклонился ей... Потомъ, какъ никто не ожидалъ этого, преклонилъ колѣно.

— Донъя Эльвира... Васъ называютъ звѣздой искусства... Я не согласенъ съ этимъ, — вы его солнце! Звѣздъ много, солнце одно... Донъя Эльвира! Вашей дивной красотѣ и божественному генію я восторженно посвящаю этого быка!.. Да здравствуетъ донъя Эльвира!..

Пятнадцать тысячъ глотокъ орали что-то... Я уже не слушалъ. Я видѣлъ, какъ изъ ложи выносили на рукахъ упавшую въ обморокъ Александру Порфириевну... Я кинулся туда, къ нимъ, и въ послѣднюю минуту видѣлъ, какъ изъ ложи Лаборанти улыбающаяся донъя Эльвира кинула донъ Лунсу лавровый вѣнокъ... По дорогѣ, вверхъ въ ложу, мнѣ встрѣтился донъ Игнасіо Хиль.

— Что это... Что это такое? — спросилъ я его.

— Э!.. Я говорилъ, предупреждалъ... Ваша соотечественница не заслужила... А донъя Эльвира была умнѣе. Она вчера сама пріѣхала къ Маріано.. Ну, и вернулась домой только на разсвѣтъ..

— Вы это знали?

— Нѣтъ... Мнѣ только сейчасъ рассказала хористка театра Real...

Когда я усадилъ Александру Порфириевну въ коляску, бѣдную дѣвушку била истерика. Она и плакала, и смѣялась, и ломала мнѣ руки...

СОДЕРЖАНИЕ:

Папочка съ улицы	9
Въ чужой клѣткѣ	29

„ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА“

Новое въ наукѣ, искусствѣ и соціальной жизни.

- № 1. Проф. С. Абрамовъ. Проблема омоложенія по Штейнаху. (2-ое изданіе).
- № 3. М. Смоленскій. Троцкій. (2-ое изданіе).
- № 4. Б. Дюшень. Теорія относительности Эйнштейна. (2-ое изданіе).
- № 5. В. Сольскій. Крестная иноша.
- № 6. Д-ръ А. Колодный. Новое въ медицинѣ.
- № 7. В. Зензиновъ. Русское Устье.
- № 8. Проф. Д. Пестржецкій. Русская промышленность послѣ революціи.
- № 9. Д-ръ В. Лыаловъ. Здоровая и больная личность. (2-ое изданіе).
- № 10. Б. Яковенко. Философія большевизма. (2-ое изданіе).
- № 11. Проф. С. Абрамовъ. Современное учение объ иммунитете.
- № 12. Владимиръ Сольскій. Ленинъ.
- № 13-14. К. Каутскій. Соціализація сельского хозяйства. Съ пред. авт. къ рус. изд.
- № 15. Б. Дюшень. Окраинныя государства.
- № 17. Пр.-д. Б. Соколовъ. Наука въ Сов. Россіи.
- № 19. Проф. Д. Пестржецкій. Рабочій вопросъ въ Сов. Россіи.
- № 20. Б. Яковенко. Очерки американской философіи.
- № 21-23. С. Маковскій. Послѣдніе итоги живописи.
- № 24. Б. Фонъ-Паленъ. Новѣйшія достиженія астрономіи.
- № 27-27а. И. Василевскій (Не-Буква). Витте и его мемуары.
- № 28-29. И. Степановъ. Психологія сновидѣній.
- № 30. М. Слонимъ. Предтечи русскаго большевизма.
- № 34-35. Б. Яковенко. Очерки русской философіи.
- № 41-42. Проф. В. Ф. Тотоміанцъ. Сущность и положеніе современной кооперации.

Russischer Universal Verlag G. m. b. H.

Berlin W 30, Martin-Lutherstr. 96.

Русское Универсальное Издательство
Берлинъ W 30, Мартинъ-Лютерштрассе 96.

„Зеленая Библиотека“

Современная литература

№ 1—2. А. Амфитеатровъ. Мечта.

№ 3 Ф. Жаммъ. Исторія дѣвушки
былыхъ временъ. Автор.
переводъ съ франц. И.
Эренбурга.

№ 4—7. Джэкъ Лондонъ. Мартинъ
Идэнъ. Ч. I.

№ 8. Г. Мопассанъ. Весной. Раз-
сказы.

№ 9—12. Джэкъ Лондонъ. Мартинъ
Идэнъ. Ч. II.

№ 13—14. В. И. Немировичъ Даценко.
Папочка съ улицы.

№ 15—19. А. Стриндбергъ. Исповѣдь
глупца. Переводъ Мих.
Кадишъ.

№ 20—21. С. Л. Поляковъ - Литовцевъ.
Саббатай Цеви. Повѣсть изъ
эпохи мессіанск. движеній.

Русское Универсальное Издательство

Берлинъ W 30, Мартинъ-Лютерштрассе 96.

„Всемирный Пантеонъ“ ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 1—2. Шекспиръ. Гамлетъ.
№ 3—4. Гете. Фаустъ.
№ 5. Гейне. Изъ „Книги Пѣсенъ“.
№ 6—7. Диккенсъ. Гимнъ Рождеству.
№ 8—9. Додэ. Тартаренъ изъ Тараккона.
№ 10. Коэльма Прутковъ. Избранныя
сочиненія. (2-ое изданіе).
№ 11. Шекспиръ. Макбетъ.
№ 12-13. Изъ новѣйшей нѣмецкой ли-
рики. (2-ое изданіе).
№ 14. Поэ. Убийство въ улицѣ Моргъ.
№ 17-18. Диккенсъ. Сверчокъ на печи.
№ 19. Г. фонъ Гофмансталь. Смерть
Тиціана.
№ 20. Французская лирика.
№ 21-22. Боккачіо. Декамеронъ.
№ 24-25. Еврейскій сборникъ. (Ш. Ашъ,
А. Перецъ, Х. Бяликъ, Тайтшъ,
Ш. Алейхемъ).
№ 26-27. Данте. Адъ.
№ 28-30. Ф. М. Достоевскій. Бѣдные люди
№ 33-36. Бальзакъ. Шагреневая кожа.